

ВОЛЬНЫЙ ЛЕКАРЬ

— СТУДЕНТ —

СЕРГЕЙ КАРЕЛИН

ЕГОР ЗОЛОТАРЕВ

**Егор Золотарев
Сергей Карелин
Вольный лекарь.
Студент. Том 7
Серия «Вольный лекарь», книга 7**

*<https://litres.ru/74402108>
SelfPub; 2026*

Аннотация

Ну вот, наконец, я в Москве! Но, как оказалось, меня здесь совсем не ждут. Придется доказывать свое право учиться в медицинской академии и пользоваться способностями, дарованными свыше.

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	17
Глава 3	30
Глава 4	46
Глава 5	63
Глава 6	76
Глава 7	91
Г	104
Конец ознакомительного фрагмента.	105

Егор Золотарев, Сергей Карелин Вольный лекарь. Студент. Том 7

Глава 1

Рачков смотрел вслед убегающему архимонаху и не мог взять в толк, что же произошло за то время, пока его не было в городе. Он отсутствовал чуть больше недели, но казалось, будто его не было несколько лет. Пожав плечами, он вышел из кабинета и двинулся по гравийной дорожке в сторону ворот. Не успел он дойти до аллеи, как увидел, что навстречу ему во весь опор скачет охрана. Первым желанием было развернуться и бежать прочь, но он быстро понял, что от всадников нет смысла даже пытаться сбежать — его быстро догонят, поэтому просто остался стоять.

— Рачков, руки вверх! — прокричал один из охранников, вытаскивая на скаку револьвер из кобуры.

Родион Петрович поднял руки, чувствуя, как от напряжения и страха они немеют вместе с ногами. Единственным желанием было прокричать во все горло: «Что здесь происхо-

дит, черт побери?!»

Когда охранники добрались до наемника, они спрыгнули с лошадей и окружили его с оружием в руках.

— Господа, может, вы хотя бы мне объясните, что происходит? — спросил Рачков.

Он старался сохранять спокойствие, но его голос предательски дрожал.

— Закрой рот, — тот самый главный охранник, что подходил к нему у ворот, решительно двинулся вперед и протянул руку.

Рачков зажмурился, ожидая удара, но тот лишь схватился за накладной ус и резко дернул его на себя, сорвав с лица.

— Рачков, ты задержан, — сказал охранник, брезгливо бросил ус под ноги и кивнул своим людям. Двое подскочили к наемнику и скрутили ему руки.

— За что? В чем моя вина? Что такого я сделал? — запищал Родион Петрович, до сих пор не понимая, что творится, и пытаясь хоть что-то выяснить.

— Во-первых, ты проник на охраняемую территорию, выдавая себя за другого. Во-вторых, ты покушался на жизнь архимонаха Прокопия Рязанова, — холодно ответил главный охранник.

— ЧТО?! Вы в своем уме?! — у Рачкова глаза на лоб полезли, а от возмущения дыхание сперло.

— Вот сейчас и посмотрим, кто в своем уме, а кто нет, — зло усмехнулся громила и велел: — Отведите его в подвал!

Позже поговорим.

— Нет! Я здесь ни при чем! — ошеломленный Рачков попытался вырваться, но его держали крепко. — Я не хотел ничего...

— Скажи своему уссу, что ты ни при чем, — усмехнулся главный охранник, взобрался на свою лошадь и неторопливо поехал в сторону ворот, а упирающегося Рачкова повели к резиденции, где в подвале не раз происходили самые темные дела ордена.

Я проснулся рано утром от яркого луча, пробивающегося в щель между плотными шторами моей новой комнаты. Первым делом я осмотрелся, будто не веря, что оказался в этом чудесном месте и в компании этих прекрасных людей, которые приняли меня как родного.

Комната была большая и светлая. Кроме кровати здесь имелся массивный письменный стол, стеллаж с книгами и письменными принадлежностями, платяной шкаф и большое овальное зеркало на стене в вычурной раме из красного дерева.

Тут с улицы донесся разговор. Я вылез из-под одеяла, подошел к окну и отдернул штору. К моему удивлению, Вера и Анатолий Ренатович уже ходили по саду с лейками и поливали клумбы и ягодные кусты.

Наскоро одевшись, умылся и присоединился к ним.

— Степа, ты чего вскочил в такую рань? Поспал бы еще,
— Вера удивленно воззрилась на меня, обернувшись на шаг.
ги.

— Доброе утро, — улыбнулся я и забрал лейку из ее рук.
— Уже выспался. Даже не припомню, когда в последний раз так хорошо спал.

— Это все здешний воздух, — лекарь подошел ко мне и пожал руку. — Мне здесь тоже лучше спится, чем в городе.

— Да в перине дело, — вставила Вера. Она склонилась над клумбой и безжалостно выдирала сорняки. — Я ведь новый пух набила. Будто в облаке лежишь.

Я не стал никого переубеждать, хотя считал по-другому. Мне в первый раз за долгое время удалось расслабиться и не опасаться ничего. Я будто блудный сын, который вернулся после долгих изнурительных странствий в родной дом, где с ним ничего плохого не случится.

Полив сад и огород, мы вместе вернулись в дом. Пока мы с Анатолием Ренатовичем обсуждали в библиотеке остеологию, Вера готовила завтрак.

— Кость — она, понимаешь, живая, — говорил лекарь, раскрывая справочник. — И живая она, пока жив человек. И ломается, кстати, не всегда одинаково. Почти всегда можно понять, каким был удар. Если края кости ровные — значит, удар был резким. Если кость раздробило — значит, придавили с силой. А по черепу еще точно можно сказать, чем били: обухом топора, молотком, дубиной, или человек сам

с высоты собственного роста упал, — тут он раскрыл учебник на нужной странице, где крупным планом был изображен череп, и принялся водить пальцем по странице. — Вот эти линии на черепе называются швы. У младенца они широкие, мягкие, а у взрослого срастаются и твердеют. У стариков же вообще становятся еле видимы. Часто именно по швам можно определить возраст, если других примет нет.

— Никогда об этом не слышал, — признался я, вглядываясь в изображение.

— О-о-о, ты многого еще не знаешь. Медицина — самая интересная область, по моему мнению. Здесь никогда не бывает остановки в развитии. Каждый год делаются все более невероятные открытия, — лекарь перелистал страницы назад и открыл изображение скелета. — Кости и их правильное положение имеют огромное значение для всего организма. Скелет — как фундамент дома. Если его перекосит, то на всем доме скажется. Бывает такое сильное искривление позвоночника, что даже внутренние органы начинают хуже работать. А в особо сложных случаях и вовсе могут отказаться. Оттого и советую всем беречь спину смолоду.

— Завтрак готов! — донесся с первого этажа голос Веры.

— Поедим и поедем в академию. Заодно и разузнаем все, — Анатолий Ренатович захлопнул книгу, оставил ее на столе и двинулся к двери.

Я последовал за ним. В груди появилось какое-то новое неизведанное чувство радости и предвкушения. Тревога и

волнение ушли, возникло четкое ощущение, что мне все по плечу. Это снова моя интуиция. А ей я привык доверять.

Завтрак состоял из отварного мяса, жареных яиц и бутербродов с нежным молодым сыром, который с утра принесла на продажу соседка.

— Верочка, если меня кто-нибудь будет спрашивать, то мы в академии, — предупредил Анатолий Ренатович, когда Вера вышла нас провожать к калитке.

— Когда вернетесь? — она поправила мужу шелковый шейный платок.

— Пока не знаю, но задерживаться не будем. Степу оформим, разузнаем обо всем и вернемся.

— Купи что-нибудь Ярову. Не с пустыми же руками к нему идти. Ведь хотим за Степу попросить.

— А что купить ему, Верочка? — задумался лекарь.

— Хорошего вина. Или хороший письменный набор. Говорят, в «Золотое перо» завезли французские фарфоровые чернильницы.

— Понял, — пожилой лекарь наклонился и поцеловал жену в щеку.

Та смущенно отмахнулась, приобняла меня и встала у калитки, глядя нам вслед. Мы с Анатолием Ренатовичем бодро двинулись вниз по дороге.

— На чем будем добираться до Москвы? — спросил я.

— У нас в деревне трое занимаются извозом. Сначала к Сергею заглянем. У него карета хорошая, чаще всего к нему

обращаюсь.

— Почему у вас нет своих лошадей?

— Раньше были, но теперь они ни к чему. Мы не так часто ездим, чтобы нарочно лошадей держать.

— Но вы же говорили, что работаете? Как же вы добираетесь до больницы? Или каждый раз извозчика нанимаете?

— С тех пор, как мы живем в Выселках, я здесь и работаю, — он махнул рукой в сторону соседней улицы. — Пешком минут десять ходьбы.

— Ясно, — я посмотрел в указанном направлении в надежде увидеть больницу, но между избами виднелись точно такие же избы.

Извозчик Сергей оказался дома и очень обрадовался возможности подзаработать. Лекарь был прав — экипаж оказался отменный: новая обшивка, мягкий, плавный ход. Я хотел сам расплатиться, ведь это ради меня мы ехали в Москву, но лекарь был непреклонен и сказал, что никогда не возьмет с меня ни копейки. Кстати, брать деньги за жилье и еду они с Верой тоже отказались, сказав, что относятся ко мне как к гостю, а с гостей деньги за простой и столование не берут.

Как только мы въехали, я не мог оторваться от созерцания этого прекрасного города с величественными зданиями, ухоженными аллеями и садами, ровными дорогами, стеклянными фонарями на кованых ножках и разношерстных прохожих.

Сначала по большей части по тротуарам спешили кре-

стьяне, ремесленники и мастеровые в рубахах-косоворотках, штанах, заправленных в высокие сапоги, или в лаптях с онучами и в простых кафтанах. Затем начали попадаться молодые люди в одинаковых формах. Лекарь пояснил, что это студенты, которые на лето не уходят на каникулы, а устраиваются работать в своих учебных заведениях, коих в этом городе было множество.

Когда на улицах с двух сторон появились ряды лавок и трактиры, среди пестрой толпы с прислугами, дворниками, нищими и юродивыми я заметил неспешно прохаживающихся мужчин в длиннополых кафтанах и с окладистыми бородами. Некоторые продвигались за спинами бравых молодцев, которые расталкивали зазевавшихся. Это явно были купцы, коих видел я немало за свой долгий путь.

— Скоро будем на месте, — подмигнул мне лекарь. — Волнуешься?

— Нет, — честно ответил я, ведь чувствовал, что на этот раз все пройдет хорошо.

— Вот и правильно. Главное, чтобы мы успели до экзаменов, а то документы не примут и сразу отправят на следующий год.

— Что? — тут-то я напрягся.

— Да. К сожалению, ради опоздавших повторно не проводят экзамены. Если ты пропустил хоть один — сразу пролетаешь, — развел руками лекарь.

Руночерть задери эти бесконечные правила! Неужто я зря

так торопился? Нет-нет, интуиция говорит, что все будет хорошо, а я склонен ей верить. Однако червь сомнения начал точить мою душу, и от уверенности не осталось и следа.

Чтобы отвлечь себя от тяжелых мыслей, я продолжил смотреть в окно. Извозчик замедлился, ведь здесь движение было куда плотнее, чем в пригороде. Мимо проплывали витрины, сверкающие стеклом и позолотой, шляпные и галантерейные лавки, модные магазины. То тут, то там слышались крики разносчиков газет. Из кондитерских тянуло сладким запахом ванили. Среди прохожих увидел дам в легких накидках, с перьями на шляпках и с ажурными зонтиками в руках, щеголей во фраках, с цилиндрами и тростями, а также служителей «Лика Истинного», которые ходили по несколько человек и выглядели очень важно, будто имели большой вес в этом обществе. Возможно, так оно и было.

— Вон она! — воскликнул лекарь и указал пальцем во второе окно. — Императорская медицинская академия.

Я повернул голову в указанном направлении и увидел массивное величественное здание: строгие, симметричные линии, портики с колоннами, широкое крыльцо и высокие двери. Проходя мимо, я бы ни за что не догадался, что это медицинская академия. По моему мнению, здание больше походило на главное управление жандармерии или какое-то министерство. Даже окна «смотрели» холодно, безэмоционально, прямо как глаза человека, привыкшего никому не доверять и в каждом сомневаться.

— Приехали, Анатолий Ренатович, — сказал извозчик, когда остановил лошадей у крыльца и, соскочив со скамейки, открыл дверь кареты.

— Спасибо, Сережа. Ты, как всегда, выручил меня, — лекарь вылез первым, а я — сразу за ним.

Медицинская академия оказывала на меня какое-то гипнотическое воздействие. Я стоял перед этим поистине монументальным зданием и благоговел, как перед чем-то грандиозным и великим.

Я переводил взгляд с фасада на темные прямоугольники окон, на колонны с изящными узорами на самом верху, на фронтон с барельефом, на каменные ступени, которые местами стерлись от огромного количества шагов, пройденных по ним, и не мог поверить, что когда-нибудь смогу считать это чуждое мне здание своим вторым домом.

— Подождать вас? — донесся до меня голос извозчика.

— Нет, езжай. Нам еще по городу прошвырнуться надо, — лекарь расплатился с ним и подошел ко мне. — Ну что, пошли?

— Да, — решительно кивнул я и первым двинулся к лестнице.

Оказавшись у тяжелых дверей с длинными ручками, я глубоко вздохнул, будто решался на что-то отчаянное, и потянул их на себя. В нос ударила прохлада, наполненная запахами чернил, старой бумаги и того специфично-лекарственного, что присуще всем больницам.

Я оказался в вестибюле с высоким потолком, который подпирали колонны. Свет расходился от арочных окон, расположенных по обе стороны от двери, и освещал все помещение, а также две лестницы, находящиеся по другую сторону. На стенах висели портреты и лепнина, вдоль них располагались часы с маятником и длинные жесткие скамьи из темного дерева, на которых сидели несколько парней и еле слышно переговаривались. При моем появлении они все повернулись и изучающе оглядели меня.

Внутри все было так же строго и величественно, как и снаружи. Каждый мой шаг по плитам из серого камня отдавался гулким эхом, от которого становилось как-то неловко.

— Пошли за мной. Нужно сходить в канцелярию и обо всем разузнать, — Анатолий Ренатович двинулся к левой лестнице.

Я последовал за ним, глаза по сторонам. Кроме портретов на стенах висели стенды со схемами, таблицами, списками и объявлениями, которые я с интересом прочел: «Выдача стипендий в канцелярии декана 5 числа каждого месяца при предъявлении зачетной книжки»; «Напоминаем, что правилами внутреннего распорядка запрещено курение в коридорах и лабораториях»; «Посещение анатомического театра допускается только в форменной одежде и с разрешения дежурного ассистента или преподавателя»; «Требуется помощник в прозекторскую. Обязанности: подготовка препаратов, уборка, помощь при вскрытии. Жалованье — 12 рублей в

месяц. Обращаться только студентам третьего и четвертого курсов к господину ассистенту Смирнову А. В.»; «Сдается комната в общежитии. Две койки, стол, отопление. Плата — 8 рублей в месяц. По всем вопросам обращаться к смотрителю общежития».

В это время кто-то справа, выходя из коридора, громко хлопнул дверью, отчего парни даже подскочили на месте. Похоже, волнение и напряжение чувствовал не я один. Судя по поведению, они тоже были поступающими.

— Первые два курса учатся одинаково, а начиная с третьего идет разделение, — сказал лекарь, когда мы стали подниматься по широкой деревянной лестнице с резными перилами. — Кто-то выбирает терапию и продолжает обучение только по этому направлению. Кто-то переходит на хирургию и анатомию или акушерство и гинекологию. Также есть судебная медицина. Какое направление тебе интересно?

— Не знаю, — пожал я плечами. — Сначала надо поступить и доучиться до третьего курса, а там уж видно будет.

— И то верно. Кстати, я слышал, что психиатрию тоже хотят отдельно преподавать, но не знаю, внедрили это или еще нет.

Мы поднялись на второй этаж и двинулись по длинному коридору. На этот раз мы шли почти бесшумно, ведь шаги заглушал длинный красный ковер с проплешинами посередине.

По обе стороны коридора располагались двери, на кото-

рых висели таблички с номером аудитории. Одна из дверей была открыта, поэтому я не удержался и заглянул внутрь. Это был большой зал. Справа находился невысокий помост, на котором стояли массивный письменный стол и стул. За ним на стене висела черная доска, исписанная мелом. Парты располагались амфитеатром, чтобы все, даже на самой дальней парте, слышали лектора. Надеюсь, я тоже когда-нибудь окажусь в этом помещении и буду с большим вниманием слушать преподавателя.

— Степа, ты чего там? — Анатолий Ренатович остановился и обернулся в поисках меня.

— Иду! — я торопливо подошел к нему, но лекарь не двинулся с места и указал на одну из дверей. На ней большими позолоченными буквами было написано: «Канцелярия».

— Пришли. Теперь станет ясно, опоздал ты или нет.

Глава 2

Рачков Родион Петрович сидел на корточках, привалившись спиной к каменной кладке подвала. Время тянулось мучительно долго, а ему так никто ничего и не объяснил. Первое время он стучал по двери и требовал встречи с архимонахом, но вскоре понял, что все бессмысленно — его никто не слышит. Охранники заперли его и поднялись наверх, а из подвала в дом не мог пройти ни один звук, ведь он находился не просто в подвале дома, а в самой настоящей темнице, где держали и мучили неудобных еще несколько десятилетий назад.

За это время в его голове пронеслось не меньше сотни предположений, что могло произойти, но ни одно из них его не устраивало. Наемник не мог понять главного — почему охранники и сам архимонах думают, что он может причинить вред Прокопию? Возможно, кто-то настроил против него главу «Лика Истинного», но кто, если они тщательно скрывали от других даже то, что знакомы друг с другом?

А, может, архимонах узнал, что Устинов жив, и именно поэтому решил, что Рачков пошел против него? Или Устинов здесь вообще ни при чем, и вылезли старые грешки? В общем, Рачков понял, что нет смысла гадать и лучше дождаться, когда к нему придут. Не будут же они до самой смерти его здесь держать... или будут?

От страха у Рачкова защемило сердце. Если бы он только знал, в чем провинился и кто настроил архимонаха против него, то смог бы что-нибудь придумать и выкрутиться, теперь же он был просто безоружен и не знал, что говорить и как себя вести.

Наемник поднялся на ноги и принялся прохаживаться по небольшому помещению, где пахло сыростью, мышинным пометом и прелой землей. Во рту пересохло, хотелось есть, но к нему никто не спускался.

Когда Рачков от безысходности решил снова биться о дверь и просить встречи с архимонахом, издали слышался скрип. Это был скрип той самой двери, которую отперли, прежде чем спустить его сюда.

Наемник разволновался. С одной стороны, он был рад, что к нему кто-то идет. Но, с другой стороны, он не знал, что от этого ожидать.

Родион Петрович отошел от двери и вжался спиной в стену, когда слышал шаги. К его темнице приближались несколько человек.

Скрежет засова, и дверь распахнулась. Яркий свет на мгновение ослепил наемника. Тот сильно зажмурился, а когда снова приоткрыл глаза, то увидел, что в помещение зашли пятеро мужчин — те самые охранники, что стояли у ворот.

— Позвольте узнать, по какой причине меня задержали? — подал голос Рачков, стараясь храбриться и не показывать,

как на самом деле он боится этих людей.

— Ты пришел убить его святость? — спросил главный охранник и приблизил масляный фонарь к его лицу.

Рачков отпрянул от жара, что исходил от лампы, и еще сильнее вжался в спиной в стену.

— Нет! Что это за бред? — взвизгнул он, почувствовав, как сердце гулко свалилось в пятки.

К такому повороту событий он точно не был готов. Убить архимонаха? Как такое могло в голову прийти? И, главное, кто мог такое придумать? Сам архимонах, или его кто-то надумил?

— Бред, говоришь. Ну-ну, — усмехнулся охранник и вдруг с силой ударил наемника свободной рукой в живот.

Рачков совсем не ожидал удара, продолжая опасаться лампы, которая находилась в неприятной близости от его лица, поэтому резко согнулся и задохнулся. Ему показалось, что все его нутро разорвалось от боли и весь кислород в одночасье покинул легкие. Перед глазами все померкло, и голоса начали слышаться издали, будто он провалился куда-то.

— Отвечай, гнида, за что ты хотел убить нашего архимонаха Прокопия?! — заорал ему в ухо охранник и, схватив за грудки, с силой встряхнул так, что Рачков ударился затылком о каменную стену.

Наемник силился что-то сказать, оправдаться, но до сих пор не мог вдохнуть и беззвучно открывал рот. Охранник же подумал, что наемник не намерен раскрывать правду, и

продолжил избиения.

— Ты мне все расскажешь. Я из тебя всю душу выну! — нанося побои, прокричал он и швырнул тщедушного мужичка в угол.

Тот полетел как безвольная кукла и рухнул на подгнившую солому.

— Я не виноват... Я ничего не сделал, — едва совладав с собой, жалобно ответил Рачков и весь сжался, ожидая новой порции ударов.

Охранник, явно наслаждавшийся беспомощностью своей жертвы, неспешно подошел к нему и ударом ноги перевернул наемника на спину, после чего встал сапогом тому на горло.

— Ты обманул меня и назвался Филиппом. Зачем ты это сделал, если не намеревался убить архимонаха?

— Меня преследуют. Я боялся, что и здесь найдут, — прохрипел Рачков, испуганно глядя на мучителя и, схватившись за его сапог двумя руками, пытаясь хоть немного приподнять ногу, чтобы не задохнуться.

— Ты врешь, — охранник презрительно скривил губы. — Признайся, что хотел убить его святость. Тебе все равно не спастись.

— Нет, я ничего такого не хотел. Я пришел доложить про Устинова.

Рачков чувствовал, что теряет сознание. Его лицо распухло и покраснелось, пульс стучал в ушах, воздуха катастрофически не хватало, но он понимал одно — надо говорить

правду. Только так у него появится хотя бы малейшая возможность спастись. Как только он скажет то, что от него требуется охранник, они его тут же убьют.

— Кто такой этот Устинов и что ты хотел о нем доложить? — охранник убрал сапог и чуть склонился над наемником, освещая его лицо лампой.

— Об этом я могу сказать лишь архимонаху, — закашлявшись, ответил Рачков. — Это наши с ним дела, и никого больше они не касаются.

Наемник понимал, что рискует, так дерзко разговаривая с главным охранником, но также ему было ясно, что только сам архимонах может спасти его. В противном случае Рачков просто умрет в этом подвале.

Видя замешательство охранника, Родион Петрович приподнялся на локтях и продолжил:

— Дайте мне хотя бы поговорить с его святостью. Пусть он узнает обо всем, а потом... Потом можете делать со мной все, что захотите.

Главный охранник выпрямился и вопросительно уставился на своих людей. Им был дан приказ выбить из Рачкова правду, но какую именно правду они должны были узнать, не уточнили.

— Володя, сходи наверх и доложи его святости, что Рачков обладает информацией про какого-то Устинова.

— Сделаю, — кивнул молодой коренастый мужчина и вышел за дверь.

Главный охранник же будто потерял интерес к Рачкову. Он подошел к своим людям и начал вполголоса с ними переговариваться. Родион Петрович был рад этому затишью, поэтому сел, опираясь о стену, и глубоко задышал. Его не смущали ни сгнившая солома, ни мышиная нора, из которой смердело. Он молился лишь об одном — чтобы архимонах спас его от своих же людей.

Охранник Володя отсутствовал не больше пяти минут, которые показались наемнику вечностью. Когда он вернулся, Рачков с такой надеждой уставился на него, будто от слов этого человека зависела его жизнь. В принципе, так и было.

— Его святость велел привести его в свой кабинет, но со связанными руками, — чеканя каждое слово, доложил охранник своему патрону.

— Хорошо. Вяжите ему руки, — велел главный охранник.

Двое мужчин грубо подняли Рачкова на ноги и, заломив руки назад, связали крепкой веревкой. Наемник не сопротивлялся, ведь только так он мог спастись.

— Опустит голову и шагай, — подтолкнули его сзади в спину.

Он бодро зашагал к двери, не взирая на боль, разливающуюся по телу, и шум в голове.

Поднявшись из сырого подвала в дом, он почувствовал себя немного лучше, будто вернулся из преисподней.

Архимонах Прокопий Рязанов сидел в своем кресле за

письменным столом и держал руки на коленях, в которых сжимал револьвер. Услышав про Устинова, он немного засомневался в своих суждениях. А что, если Рачков и вправду пришел доложить об Устинове и не собирался его убивать? Во всяком случае, прежде всего нужно спокойно выслушать наемника, а потом уже решать его судьбу.

Когда в дверь кабинета постучали, он напрягся и, откашлявшись, ответил:

— Заходите!

Сначала на пороге появился глава его охраны — Зураб. Он вопросительно взглянул на архимонаха, ожидая ответа. Прокопий кивнул и продолжительно выдохнул, собираясь с силами. Он знал, на что способен Рачков, и очень его боялся.

Двое охранников завели Рачкова в кабинет и ударом по голени поставили на колени.

— Говори, — велел архимонах, вложив в свой голос силу, чтобы не показать своего истинного отношения к наемнику, который однажды по его заказу убил человека хорошо наточенным ножичком для писем. Как писали газеты, на найденном в лесу трупе насчитывалось больше ста ран, были выколоты глаза и отрезан язык.

— Ваша святость, я прошу прощения, если чем-то обидел или оскорбил вас, — начал Рачков, не осмеливаясь поднять взгляд на грозного главу «Лица Истинного». — Я вынужден был поменять образ и назваться другим именем, потому что меня преследовали. Только вчера я прибыл из поездки и на-

меревался зайти в Великое Святилище, но прямо у двери меня атаквали. Еле унес ноги.

Архимонах понимал, о чем говорит Родион Петрович, ведь именно он велел охранникам ждать Рачкова у Святилища и как можно более подробно описал его внешность, чтобы те не ошиблись. И вчера ему доложили, что Рачков был, но смог улизнуть.

— Говори, — поторопил он наемника, который замер, ожидая, что будет дальше.

— Переночевал в арендованном доме, а утром приехал сюда, чтобы рассказать вам о своих приключениях и отчитаться о проделанной работе. Я боялся, что на меня снова нападут, поэтому замаскировался под Филиппа. Мы с ним одной комплекции и немного похожи.

Архимонах с облегчением выдохнул. Пока все, что говорил наемник, было правдой.

— Ты упоминал Устинова. Что с ним? Ты сделал то, что должен был сделать?

Рачков поднял голову и в первый раз за весь разговор посмотрел на Прокопия. Тот осунулся, похудел и постарел. С ним явно что-то творилось. Но что? Неужели серьезно болен?

— Ваша святость, я могу разглашать подробности этого дела при свидетелях? — еле слышно уточнил он и покосился на охранников.

Рязанов очень не хотел, чтобы кто-то кроме очень узкого

круга людей знал, к каким методам он иногда прибегал для того, чтобы сделать «Лик Истинного» религией, которую все учтут и уважают, поэтому мотнул головой и проговорил, обращаясь к охранникам:

— Оставьте нас наедине.

— Ваша святость... — начал было Зураб, но архимонах поднял руку. Тот замолчал и, сделав знак своим людям, первым вышел из кабинета. Остальные последовали его примеру.

— Говори, — велел Прокопий, когда они остались вдвоем с Рачковым.

— Мне не удалось расправиться с Устиновым, — начал наемник и рассказал все, что происходило с того самого момента, как он увидел знахаря на носилках в Тюмени.

Прокопий Рязанов не задал ни одного вопроса, внимательно слушая Рачкова. И только когда наемник дошел до момента, когда вернулся в Москву, крикнул в сторону двери:

— Заходите!

В дверях в ту же секунду появился Зураб, который первым делом оценил обстановку, с облегчением выдохнул и подошел к задержанному.

— Увести?

— Нет, развяжите. Он свободен.

— Как это? Он ведь покушался на вас, — глаза главы охраны округлились. Он сразу напрягся, думая, будто наемник ввел в заблуждение его хозяина.

— Он не покушался. Это я его неверно понял, — устало вздохнув, пояснил архимонах.

Зурабу ничего не оставалось, кроме как подчиниться. Размотав веревку, стягивающую руки Рачкова, он рывком поставил его на ноги и вновь вопросительно посмотрел на Прокопия, ожидая приказаний.

Рачков тоже не знал, чего ожидать, поэтому все еще был напряжен, хотя уже понимал, что сегодня его не убьют.

— Доделай начатое, а за недопонимание я добавлю сверху такую же сумму, какую уже перевел на твой счет. Как дело будет сделано — придешь и доложишь, но на этот раз без маскировок, — сказал архимонах, обращаясь к Рачкову.

— Понял. Спасибо, — кивнул тот в ответ.

На этот раз он почувствовал, как камень, давящий сверху, упал, и жизнь снова обрела яркие краски и приятные запахи.

— Проводите Родиона Петровича до ворот, а ты, Зураб, останься, — продолжил Прокопий.

Охранники вместе с Рачковым вышли, а глава охраны плотно закрыл за ними дверь и приблизился к письменному столу.

— Что прикажете? — понизив голос, уточнил он. — Снять часть охраны?

— Нет, пусть остаются. Но Рачков не должен больше заставить нас расплых. Будьте бдительны.

— Почему мы не можем сразу его убрать? Зачем отпускать того, кто представляет опасность?

— Мы обязательно от него избавимся, но позже. Пока он мне нужен — будет жить.

— Ясно. Могу идти?

— Иди.

Когда Зураб вышел из кабинета, Прокопий устало вздохнул и повернулся к окну, в котором виднелись охранник и Рачков, направляющиеся в сторону ворот.

— Принесите ужин и вина! — крикнул он, ведь впервые за долгое время у него появился аппетит.

Все, о чем он думал в последние дни, оказалось его собственной фантазией. Рачков не пытался его убить. Однако сама мысль о том, что кто-то другой может нанять этого кровожадного убийцу была ужасающей. Вся эта ситуация показала насколько опасен Рачков, которого могут также нанять враги “Лица Истинного”. Он совсем не верноподданный, а всего лишь убийца, который будет работать на того, кто заплатит, и в следующий раз может заявиться с оружием и убить его — главу ордена «Лик Истинного». Этого допускать нельзя, поэтому сразу после смерти Устинова будет убит он.

Анатолий Ренатович первым зашел в помещение канцелярии медицинской академии. Сначала мне показалось, что мы попали в какую-то кладовую, но, осмотревшись повнимательнее, понял, что канцелярия была завалена грудями документов. Журналами, папками и книгами были забиты все

четыре книжных шкафа. Стопками прямо на полу стояли перетянутые бечевкой документы. На подоконнике единственного окна тоже высились папки.

— Лариса Павловна, здравствуйте, — подал голос лекарь и поспешил к столу, за которым сидела женщина средних лет и быстро писала пером.

— А-а-а, Анатолий Ренатович, рада вас видеть, — женщина привстала и протянула руку, которую лекарь сначала легонько пожал, а затем чмокнул.

— Вы, как всегда, выглядите просто прекрасно, — продолжал лекарь, и он не врал.

Женщине было лет сорок пять, и возрастные изменения отразились на лице, но все равно она была очень даже милостивая, с большими миндалевидными глазами и пухлыми губками бантиком.

— Совсем засмущали меня, — кокетливо ответила она и посмотрела на меня. — Каким судьбами? Неужели у вас есть еще один сын?

— Не сын, а племянник, — соврал лекарь, не моргнув глазом. — Хочет продолжать лекарскую династию.

— Это верно. Мы такое поддерживаем, — кивнула она, оценивающе оглядывая меня с ног до головы.

— Лариса Павловна, надеюсь, мы не опоздали с документами? — с заметным волнением в голосе уточнил лекарь.

— Нет, но сегодня — последний день приема. Завтра уже первый экзамен.

Мы с Анатолием Ренатовичем переглянулись. Он слегка улыбнулся и с облегчением выдохнул.

— Ну, тогда примите документы вашего будущего студента — Степана Устинова.

— Студента? — усмехнулась она. — Сначала нужно поступить. В этом году ужесточили экзамены.

— Поступит. В этом можете не сомневаться, — уверенно ответил лекарь.

У меня невольно сжалось сердце. Точно так же всегда во мне был уверен мой отец, и я его никогда не подводил. И в этот раз не подведу человека, который поверил в меня, и стану студентом этой академии.

Глава 3

К счастью, я успел подать документы на поступление: заполнил заявление и анкету, получил бланк с перечнем экзаменов, а также узнал, что иногородним предоставляют общежитие, находящееся через дорогу от академии. Меня это очень порадовало, ведь я не собирался и дальше стеснять Анатолия Ренатовича и его жену. Они добрые и открытые люди, и я бы с радостью продолжал общаться с ними, но все-таки хочу жить самостоятельной жизнью и не зависеть ни от кого.

— Значит, завтра у тебя арифметика. Как думаешь, сможешь решить задания? — лекарь с сомнением посмотрел на меня.

Мы только что вышли из академии и двигались по широкой переходной улице мимо лавок и торговых рядов.

— Постараюсь, — пожал я плечами.

В моем прошлом мире все было направлено на магию, поэтому развитие в технологиях, механике и остальных областях сильно затормозилось. Я умел считать деньги, вычислять соотношения и доли, и этого мне было достаточно для жизни, но здесь, в этом мире, наука пошла далеко вперед, и многого я не знал. Благодаря Сергею, который быстро понял, что простые задачки я щелкаю как орешки, мы сразу перешли на сложные задания. Мне приходилось нелегко, я часто

падал духом, думая, что не способен понять такие трудные задачи, но он не отступал и раз за разом объяснял. Понемногу я начал соотносить теорию с практикой, и вскоре каждая новая тема перестала вызывать у меня сложности в понимании. Я почти дошел до конца того учебника, который подарил мне Сергей, осталось буквально пять тем, которым посвящу сегодняшний вечер.

— С арифметикой и литературой я тебе не смогу помочь, — извиняющимся тоном сказал лекарь. — Сам уже все позабыл.

— Не волнуйтесь. Кое-какие знания у меня имеются. Как-нибудь выкручусь.

— Тебе главное не провалить экзамен, а потом на естественных науках поднакопишь недостающие баллы... Давай зайдем сюда? — он указал на лавку с вычурной вывеской «Золотое перо». Он подошел к двери и хотел открыть, но она не поддавалась. — Закрыто еще. Подождем.

Я подошел к стеклянной витрине и заглянул внутрь. Первое, что увидел — резную подставку из красного дерева, на которой стояли серебряные письменные принадлежности: чернильница, пресс-папье, лоток с перьями. Рядом лежал такой же набор, но выглядел он гораздо дороже, ведь был выполнен из фарфора с позолотой и с разноцветными камнями.

— Ты только глянь, какая прелесть. Верочке такое точно понравится, — лекарь встал рядом со мной и указал на ряд

чернильниц, сделанных в виде миниатюрных фигур: стеклянные дворцы с серебряной окантовкой, фарфоровые колонны с узорами и вазы с эмалевыми вставками.

Кроме этого на полках, стоящих у витрины, лежали наборы перьев в красивых футлярах, ножи для вскрытия писем с рукоятками, украшенными камнями, пачки плотной бумаги и почтовые конверты с гербом, бронзовые подставки для перьев, печати и сургучные принадлежности.

— Здесь и тебе можно будет прикупить для учебы все необходимое, — лекарь указал на набор под названием «студенческий». — Правда, здесь довольно дорого, но я тебе помогу.

— Не надо. У меня есть деньги.

— Никогда не отказывайся, когда тебе хотят помочь от чистого сердца, — нравоучительно сказал он. — А вот когда поступишь, держи ухо востро. Среди студентов большая конкуренция. Каждый хочет понравиться преподавателю, чтобы иметь преимущества.

— Какие преимущества у таких студентов? — заинтересовался я.

— Практика в престижных больницах, доступ к редким клиническим случаям, обширная библиотека, протекция при трудоустройстве. К тому же выдающихся студентов всегда приглашают на различные мероприятия. И я говорю не только о тех мероприятиях, которые имеют отношение к медицине. Это может быть, например, день рождения пре-

подавателя, где соберутся влиятельные гости и где можно завести полезные знакомства. Или тебе могут достать билет на какое-нибудь мероприятие, куда вхож только очень узкий круг людей. В общем, в медицине, как и в любой другой сфере, лучше быть с теми, кто наверху. А у тебя к этому есть все предпосылки. Как только о тебе узнают, каждый захочет быть с тобой на короткой ноге. Одни — для того, чтобы перетянуть на себя часть твоей славы. Другие — чтобы иметь под рукой человека, который способен фактически творить чудеса. Третьи — чтобы навредить тебе, ведь многие будут завидовать. Ты еще молод, но уже сейчас тебе нужно отличать одних от других и от третьих.

Я внимательно слушал Анатолия Ренатовича, который видел во мне совсем юнца, но я таким не был. То, что он говорил, было и в моем мире. Рядом с богатыми и влиятельными людьми всегда есть свита, которая «кормится» благодаря им. Но часто бывает так, что свита разбегается, как тараканы при резком свете, когда тот, кто должен был тянуть их за собой, оступается. Вот тогда-то и срываются маски.

В это время послышался щелчок, и дверь лавки приоткрылась. Одновременно с этим до нас донесся мелодичный звон колокольчиков.

Мы зашли в лавку. Нас сразу же окутал запах чернил, бумаги, сургуча и дерева. За прилавком стоял пожилой мужчина в белоснежной рубашке, черных нарукавниках и в таком же переднике. Он доброжелательно улыбнулся.

— Приветствую вас, господа. Чего изволите?

— Помогите нам подобрать подарок хорошему другу, — Анатолий Ренатович подошел к прилавку, а я двинулся вдоль стеллажей.

Как оказалось, здесь продают не только письменные принадлежности, но и ученические сумки, альбомы для рисования, краски, глину для лепки и многое другое.

Я вдруг словил себя на мысли, что уже присматриваю то, что мне может пригодиться, но ведь сейчас это делать еще довольно рано — я пока не поступил и даже первый экзамен не сдал. Если в арифметике кое-что уже понимал, то с литературой вообще беда — не успел прочесть ни одного произведения из тех, что советовала Полина. Если завтра не провалю экзамен, то применю все свои знания в магии, чтобы подготовиться к экзамену по литературе, иначе именно на ней могу споткнуться.

Я прошелся по лавке и вернулся к прилавку, где Анатолий Ренатович уже расплачивался за упаковку плотной белой бумаги, фарфоровые чернильницы и набор перьев в деревянной коробке.

— Это что такое? — указал я на синюю бархатную подушку, на которой лежали изящные серебряные цветы, раскрашенные блестящей эмалью.

— Броши, — ответил торговец, снял подушечку с полки и положил передо мной. — Моя дочь настаивает на том, чтобы мы увеличили ассортимент. И почему-то придумала, что

здесь могут неплохо продаваться такие вещицы. Не знаю, что из этого получится, — пожал он плечами.

— Кто делает такие красивые вещи? — я наклонился, изучая каждый цветок, который был так искусно сделан, что выглядел почти живым.

— Молодой ювелир на Никитской. На ярмарке его встретили. Даже вазу у него купили — хороший мастер.

— Я возьму вот эти две броши, — указал я на фиалку и розу.

— Хороший выбор, — оценил торговец, аккуратно снял броши с подушечки, переложил в мешочек и, получив деньги, отдал мне.

— Девушке хочешь подарить? — лукаво улыбнулся лекарь, когда мы вышли из лавки и двинулись к продуктовым торговым рядам, со стороны которых аппетитно пахло копченой рыбой и свежим хлебом.

— Одну — Полине. С ней мы знакомы еще с Иркутска. А вторую — Вере. Должен же я как-то отблагодарить ее за доброту и вкусную еду.

— Верочке понравится, — с довольным видом кивнул лекарь.

Мы зашли в винный отдел, где лекарь купил красное сладкое вино, после чего пошли на поиски ближайшей телеграфной станции. Во-первых, я хотел оповестить Илью, Семена, Андрея и капитана Илью Петровича о том, что благополучно добрался до Москвы. А во-вторых — узнать у Базарова,

где сейчас Полина и Сергей.

Станция нашлась быстро. Все местные знали, где она находится. Я попросил разрешения указать адрес Анатолия Ренатовича для ответов, на что он сразу согласился. Всем написал примерно одно и то же: «Прибыл в Москву. Здравствуй. Завтра начинаются экзамены» и подпись. Только у Базарова еще спросил, как найти его дочь и племянника.

— Может, пообедаем? — предложил я, когда мы с Анатолием Ренатовичем вышли из телеграфной станции и до моего нюха донесся аппетитный запах жареного мяса из ближайшего трактира.

— Ни за что! Уверен, Вера наготовила всякого и ждет не дождется, когда мы вернемся, чтобы накормить нас до отвала.

Я не стал спорить, поэтому мы купили сладких булочек и поехали в деревню.

Родион Петрович зашел в свою квартиру, запер дверь на все три замка, опустил на банкетку, на которой обычно обувался, и в голос зарыдал. Из него хлынули все те эмоции, что накопились за последнее время: гнев, раздражение, недовольство и страх. Его жизнь перевернулась с ног на голову, чего он совсем не ожидал.

Вдруг слезы превратились в громкий хохот. Рачков буквально согнулся от смеха и сполз на пол. Если бы его в этот

момент кто-нибудь увидел, то решил бы, что наемник свихнулся. Немного успокоившись, он снял ботинки, прихватил свой чемодан и двинулся в спальню. Теперь, когда эмоции поутихли, в работу включился его расчетливый мозг.

Первое, что ему нужно сделать — убить Устинова. Теперь это дело чести, а не просто заказ. Второе — наказать архимонаха, который так отвратительно поступил с ним. А ведь Рачков был уверен, что Прокопий его никогда не предаст, а оно вон как обернулось — стал его мучителем. Прокопий, которого он считал одним из ближайших людей, тем, кому безоговорочно доверял — теперь его враг. Рачков с улыбкой на лице продумывал план страшной мести для своего бывшего заказчика. После того, что произошло в подвале дома, он решил, что будет убивать медленно, чтобы вдоволь насладиться зрелищем. В ход пойдут гвозди, раскаленное железо, острый кинжал и дубина.

Намыливаясь под горячими струями душа, он очень подробно представлял, как заклеят архимонаха, как выбьет ему все суставы, как будет вгонять длинные гвозди в его тело, как будет срезать куски мяса, и только когда Прокопий совсем перестанет что-либо понимать и чувствовать, убьет. Какая же сладкая месть.

Как и говорил Анатолий Ренатович, Вера ждала нас за накрытым столом.

— Ну что? Рассказывайте, — Вера поставила перед нами фарфоровые тарелки с горячим наваристым супом.

— Все хорошо, Верочка. Успели подать документы. Завтра экзамен по арифметике, — ответил лекарь, нарезая хлеб.

— Уже экзамен, — она с тревогой посмотрела на меня. — Волнуешься, небось.

— Есть немного, — кивнул я и не соврал.

Я не могу быть уверен, что сдам, пока не увижу задания. Возможно, мне попадется то, что не успел изучить.

— Ты, главное, успокойся и хорошенько подумай, не спеши, — посоветовала она. — Я тебе свой амулет дам. Он мне всегда помогал в тяжелом деле.

Женщина сняла с шеи цепочку с медальоном и протянула мне. Я сначала хотел отказаться, но встретился с пристальным взглядом Анатолия Ренатовича и вспомнил его слова о том, что не надо отказываться, если человек хочет помочь от чистого сердца.

— Спасибо, — я забрал медальон. — Теперь меньше волнуюсь.

— В нагрудный карман завтра не забудь положить, — Вера села напротив и подвинула ко мне блюдо с тонко нарезанным мясным рулетом.

— Положу, — кивнул я и потянулся к рюкзаку. — Я вам тоже кое-что купил. Надеюсь, что понравится.

Вытащил из бокового кармана мешочек с брошкой, которую отложил для нее — ту, что с розой. Увидев подарок,

женщина расплылась в счастливой улыбке.

— Какая прелесть, — она нацепила брошь на грудь и поспешила к зеркалу. — Какая красота! Спасибо, Степа. Я совсем не ожидала.

Я улыбнулся в ответ, взял ложку и приступил к обеду.

Чай мы решили попить в гостях у того академика, про которого говорил Анатолий Ренатович. Вера вынесла из кладовки две банки варенья и положила их в корзину. Туда же лекарь засунул бутылку вина, обернутую в вафельное полотенце, упаковку бумаги и набор перьев для письма.

Втроем мы вышли за калитку и двинулись вглубь деревни. По пути каждый встречный здоровался с лекарем и его женой. Кто-то издала махал рукой, кто-то стучал в окно. Лекаря здесь любят и уважают.

— Куда мы идем? — спросил я, когда мы прошли через всю деревню и двинулись по широкой проселочной дороге в сторону леса.

— Яров построил себе дом в хорошем месте, на возвышенности. С одной стороны — лес, с другой — река. Вид оттуда шикарный, — ответила Вера.

— Что он за человек?

— Хороший человек, совестливый. С такими можно хоть в разведку, — подал голос лекарь, который сорвал ветку березы и отмахивался от мошкеры, которая назойливо лезла в лицо. — Хочу вас познакомить. Уверен, вы друг другу понравитесь. К тому же Гоша не последний человек в медици-

не.

Мы свернули на повороте, и вдали показались высокие кованные ворота, а за ними виднелся двухэтажный дом. Ну что ж, пора обзаводиться знакомствами.

Академик Георгий Яров сидел в кресле-качалке и вдумчиво читал зарубежный медицинский журнал, в котором описывались последние эксперименты и открытия. Даже в отставке он «держал руку на пульсе» и не хотел «вылетать из обоймы». Медицине он посвятил всю свою жизнь с самого раннего детства, ведь был потомственным лекарем.

Он перевернул очередную страницу, когда услышал скрип ворот, которые никогда не запирали. Гости пожаловали. Но кто? Мелехин пришел мириться?

Георгий отложил журнал на стол, поднялся с кресла, но не успел сойти с крыльца, как увидел сначала знакомую женскую фигуру, сразу за ней — щуплого лекаря с молодым парнем, которого принял за сына лекаря.

— Какие гости! — радостно всплеснул он руками, торопливо спустился по ступеням и поспешил навстречу. — Добро пожаловать! Давно вас не видел, даже соскучился.

— Здравствуй, Гоша, — Вера обняла его и даже поцеловала в щеку.

Лекарь крепко пожал руку и отдал корзину.

— Мы не с пустыми руками, а с гостинцами.

— Вот спасибо, — академик заглянул в корзину. — Как раз думал съездить за вином. Вы же мысли мои прочли.

Он уже ринулся обнять юношу, но остановился и недоуменно уставился на него. Это явно не сын Анатолия Ренатовича.

— Георгий Захарович, — сказал лекарь, заметив удивленный взгляд Ярова. — Хочу представить тебе моего друга Степана Устинова.

Академик еще сильнее вытаращился, не реагируя на руку, протянутую юношей.

— Здравствуйте. Рад познакомиться, — молодой человек перевел вопросительный взгляд на лекаря.

— Гоша, с тобой все хорошо? — вполголоса спросил Анатолий Ренатович и взял его за руку, желая прощупать пульс. — Неужто сердце прихватило?

— Ничего у меня не прихватило, — будто очнулся Яров и пожал руку юноши. — Очень рад, Степан. Просто я кое-что узнал о вас и совсем не ожидал встретить лично.

— Что же вы узнали? — напрягся Устинов.

— Только хорошее, — быстро ответил Яров и улыбнулся, продолжая с интересом рассматривать его. — Прошу, проходите. Правда, я гостей не ждал и угощать вас особо нечем, но кухарка чего-нибудь на быструю руку сготовит.

Георгий не сомневался, что этот тот самый Степан Устинов, про которого говорил профессор Мелехин и за которого просил капитан. Но никак не ожидал, что он окажется имен-

но таким. В его мыслях Степан был старше, выше, плечистее и в целом мощнее, но перед ним стоял худощавый юноша, у которого только начали пробиваться темные усики.

Кухарка пообещала накрыть на стол через полчаса, а пока он пригласил гостей на свою террасу, где стоял горячий самовар.

— Гоша, ты же понимаешь, что мы не просто так пожаловали к тебе со Степой, — начал издалека лекарь.

— Понимаю. Как я знаю, Степан намерен поступать в медицинскую академию, — он повернулся к юноше, который снова настороженно посмотрел на него. Ему явно не понравилось, что кто-то столько про него знает. — Совсем недавно я получил послание от своего давнего друга Ильи, который написал сначала телеграмму, а потом целое письмо о том, что происходило на «Графине» в последнем рейсе. Признаться, я был поражен тому, что узнал о вас, Степан.

— погоди, ты еще меня не слышал, — усмехнулся лекарь и поведал о происшествии на поезде. О том, как Устинов утихомирил девочку, как расправился с бандитами и как лечил людей.

Яров внимательно выслушал, изредка уточняя детали, а потом повернулся к Степану и спросил:

— Ты хочешь поступить в академию, чтобы получить разрешение на лекарскую деятельность?

— Не только ради этого. Как духогляд я вижу болезни, но бывает так, что я понятия не имею, как их лечить, и ухо-

дит много драгоценного времени на подбор соответствующих рун. Я хочу знать все про человеческое тело. Хочу научиться определять болезни и знать причину их возникновения. Хочу прежде всего стать лекарем, который может лечить не только настойками и процедурами, а кроме всего прочего — своими магическими способностями.

Юноша говорил с таким жаром и с таким огнем в глазах, что Яров ни на секунду не засомневался, помогать ему или нет. Точно да! Но была одна загвоздка — профессор Мелехин, который намеренно включился в прием экзаменов, чтобы не допустить знахаря в академию.

— Ну что, Гоша, сможешь ты нашему Степе? — Вера с надеждой посмотрела на него.

— Сделаю все, что от меня зависит, но вы должны понимать, что прошло уже несколько лет с тех пор, как я отошел от дел. Люди поменялись. Кого-то уже на свете нет, поэтому я не могу ничего гарантировать.

Говорить о Мелехине и его отношении к Степану он не стал, но решил про себя, что завтра же наведается к профессору домой и попробует еще раз его вразумить. Он возьмет с собой письмо от капитана, а также перескажет то, что узнал от лекаря. Что-то же должно сработать на упертого барана.

Вскоре кухарка вынесла поднос с еще горячими оладушками, творог со сметаной и клюквенный кисель. Яров все внимание уделял только Степану, закидывая вопросами. Ему было интересно абсолютно все: кем были родители зна-

хря, как они умерли, как прошло детство, какие отношения были с наставником, как он открыл в себе дар духогляда и кто научил его владеть магическими знаками. Если на вопросы о семье и своем наставнике Степан отвечал охотно, то о своем даре говорил скупом. Георгий прекрасно понимал, почему, ведь гонения магов до сих пор продолжаются, хоть и не так неистово, как было несколько десятилетий назад.

— Нам пора, — сказала Вера и первая поднялась с места. — Степе еще готовиться. Завтра утром экзамен. Гоша, мы на тебя надеемся. Ты уж проконтролируй, чтобы хотя бы было все по-честному. Чтобы никто не задвинул Степу, пропихивая своего сына или чье-то проплаченное чудо.

— О чем ты говоришь? Экзамены честные, — попытался изобразить возмущение Яров.

— Ага, знаю я ваши честные экзамены, — усмехнулась она. — Вон, сыновья у Самохиных — яркое подтверждение. Когда старший поступал, то читал по слогам и писал с ошибками, а его все равно пропихнули. Я уже не говорю о его братьях, которые с трудом школу окончили, но вместе с нашими детьми учились в академии и так же дипломы получили. Да к ним страшно на прием ходить: живым был — ногами вперед вынесут, — возмутилась женщина.

— Права ты, Верочка, — поддержал ее лекарь. — Гоша, мы просто хотим справедливости.

— Будет вам справедливость. Я обещаю, — решительно кивнул Яров и посмотрел на Степана.

Теперь, когда они познакомились поближе, первое впечатление улетучилось. Яров видел перед собой не юнца, а уверенного в себе, спокойного и рассудительного молодого мужчину с невероятно серьезными и честными глазами. К тому же от него исходила такая мощная магическая аура, какую Георгий давно не встречал. Когда-то и его род владел магией, но они сумели заглушить в себе природный дар, чтобы выжить. А этот юноша не собирался этого делать, что тоже вызывало уважение.

Проводив гостей до ворот, Яров смотрел им вслед, пока те не скрылись за поворотом. После этого он вернулся в свое кресло и снова взял в руки журнал, но никак не мог понять то, что читает, ведь мыслями все равно возвращался к Устинову. В конце концов он не выдержал и крикнул конюху, чтобы тот выводил лошадей и запрягал в карету.

— Поеду к Мелехину, — сказал он кухарке, спускаясь с крыльца. — К ужину не жди.

Глава 4

Георгий Яров не стал откладывать в долгий ящик разговор с Мелехиным и, как только проводил гостей, решил поехать к нему. Он не знал, как примет его профессор после ссоры, но чувствовал, что просто обязан вразумить его, чтобы тот хотя бы не мешал молодому дарованию поступить в академию и получить медицинское образование. Однако, как только он сел в карету, его планы изменились. Ему пришло в голову, что сначала нужно самому проверить юнца и убедиться в его возможностях, а уже потом поддерживать и подключать связи.

— Останови возле лекаря, — велел он конюху, высунувшись из окна.

Он был уверен, что его гости не успели далеко уйти. Конюх открыл ворота, взобрался на козлы и засвистел, подгоняя лошадей. Тройка будто этого и ждала. Карета дернулась и быстро покатилась по грунтовой дороге. Как Яров и ожидал, через пару минут они уже догнали лекаря с женой и юношу.

— Прошу в мою карету! — высунувшись из окна, крикнул он и махнул рукой.

— Ты чего удумал? Сами бы дошли, — удивился лекарь.

— Я вас не домой везу, — загадочно ответил он. — Садитесь-садитесь, время идет, а мне еще многое нужно успеть

за сегодня.

Троица переглянулась. Лекарь перекинулся парой слов с юнцом и первым двинулся к распахнутой двери кареты.

— Ничего не понимаю. Куда ты нас хочешь отвезти? — спросил Анатолий Ренатович, когда все заняли места.

— Сейчас узнаете.

Мне понравился академик, с которым познакомил меня Анатолий Ренатович: спокойный, рассудительный, вдумчивый, с умными глазами. Я не просил помогать мне поступить, ведь привык прежде всего надеяться на собственные силы, но не мог отказаться от возможности пообщаться с человеком, который имеет непосредственное отношение к медицине и к академии одновременно.

Во время чаепития Георгий Захарович не спускал с меня внимательного взгляда и интересовался не только рунами, но и моей способностью духогляда. Он сказал, что у него есть знакомый лекарь из рода духоглядов. Меня это очень порадовало, ведь я мало что знал о духоглядах и нуждался хоть в каких-то пояснениях и объяснениях.

Я описал наиболее часто встречающихся существей, которые обозначают болезнь, а также упомянул о тех паразитах, что подселяются в тела людей. Это заинтересовало Ярова больше всего. Как оказалось, лекари и сами не раз заме-

чали странности в поведении некоторых из своих больных или непонятные знаки на коже. Георгий Захарович рассказал, что в его практике были случаи, когда больной вдруг начинал говорить чужим голосом или рассуждать о вещах, о которых не мог знать.

Приводя пример, он рассказал, что когда-то наблюдал за мальчиком, который в совершенстве знал технику рукопашного боя и успешно применял ее, с ловкостью расправляясь со взрослыми мужчинами. Станным было то, что мальчику едва исполнилось шесть лет и родился он в крестьянской семье, где не умели даже читать.

— Что стало с тем мальчиком?

— Я не знаю. Вокруг появилось много любопытных, которые не давали спокойной жизни его семье, поэтому родители приняли решение отправить мальчика к одной из теток. Куда именно его отправили, никто не знает.

— Как ты вообще узнал о нем и почему наблюдал? — заинтересовалась Вера.

— Его родители обратились в больницу как раз в тот день, когда я взял дежурство, чтобы подзаработать. В те времена научная деятельность плохо оплачивалась, поэтому приходилось постоянно подрабатывать, — Георгий отпил чай. — Они пришли с жалобой, что у ребенка появились проблемы с речью. Будто начал говорить непонятными словами. Вместе с главным врачом мы сильно встревожились, ведь этот симптом мог быть предвестником болезни мозга. В тот же

день мы прибыли к ним в дом и поговорили с мальчиком. Кажется, что он все понимает, но как только открывает рот — произносит непонятные слова. Мы сделали ему кровопускание, напоили настойкой, после чего мальчик уснул. На следующее утро речь у него восстановилась, но он буквально начал носиться по стенам, с легкостью запрыгивал даже на высокую мебель. А потом избил соседа, с которым у его отца был давний конфликт. Потом подрался с городовым, который разгонял бродяг, и пошло-поехало. Судить шестилетнего пацана не стали, но пригрозили, что изымут из семьи и отдадут на воспитание другим людям. Мальчик присмирел, но весть о нем уже разошлась по всей округе. Находились даже «смельчаки», готовые сразиться с ребенком, но те быстро понимали, что совершили глупость, когда лежали лицом на дороге с вывихнутой рукой или выбитым суставом.

— Ты думаешь, что к этому причастен один из тех паразитов, про которых рассказывал Степа? — спросил Анатолий Ренатович.

— А у тебя есть другие объяснения этого феномена?

— Нет, — чуть подумав, ответил лекарь.

— Вот и у меня нет.

Прощавшись с Яровым, мы едва успели добраться до первых домов, как сзади послышался топот копыт. Обернувшись, я увидел, как к нам во весь опор приближается тройка, запряженная в карету.

Карета остановилась рядом с ними, и из окна показался

Яров. Он предупредил, что повезет нас не домой, а по одному важному делу. Мне почему-то сразу стало ясно, что это дело касается меня.

— Гоша, не юли, что ты задумал? — спросила Вера, глядя на мелькающие за окном избы. — У меня вообще-то опара стоит. Боюсь, как бы не убежала.

— Никуда не денется твоя опара. Мы едем к Толе Брусникину, — ответил Яров.

— Зачем? — удивился лекарь.

— Пусть Степа посмотрит его жену. Вдруг ей еще можно помочь, — предположил он.

— Да-да, пусть посмотрит, — поддержала его Вера. — Жалко Свету, ведь совсем еще молоденькая, и такое несчастье, — она погрустнела.

— Можете рассказать подробнее, что случилось с женой вашего Брусникина? — попросил я.

— В прошлом году слегла Света с жаром, — начал Анатолий Ренатович. — Мы с Гошей к ней ездили по просьбе мужа. Сначала подумали, что обычная простуда. Я, как всегда, прописал обильное питье, банки на спину, прогревание. Но ей становилось все хуже, поэтому решили лечить пиявками. Эффекта, как и прежде, не было. Неделя прошла, а она все горела. А потом жар вдруг сам по себе спал, но Света не смогла подняться с кровати — ноги отказали. Чего мы только ни делали — все без толку. Вот и лежит с тех пор.

— Столько времени уже лежит, бедняжка. Почти год про-

шел, — тяжело вздохнула Вера и покачала головой. — Толика тоже жалко, один на себе все тащит. И работает, и скотину держит, и за двумя ребяташками ухаживает. Да еще и Свету на руках носит, ведь она только сидеть да лежать может.

— Как думаешь, что с ней могло случиться? — Яров внимательно посмотрел на меня.

— Не знаю, — честно признался я. — Надо смотреть.

Вскоре кучер громко вскричал «тпру-у-у», и лошади остановились. Я вышел первым и оказался у низкого забора, за которым стояла небольшая изба. Сруб был новый, наверняка не больше двух лет назад поставили. Вокруг дома носились куры, в корыте купались утки и гуси, с важным видом прохаживались индюки — целый птичник. На крыльце сидели два мальчика лет пяти и перебирали зерна. Увидев нас, один из мальчиков забежал в дом и уже через несколько секунд вышел вместе с отцом. Мужчина приложил руку ко лбу, закрываясь от лучей заходящего солнца, и оглядел нас.

— А-а-а, здрасьте, уважаемые лекари и Вера Павловна, — обрадовался он, скатился с крыльца и поспешил к калитке, разгоняя птиц. — Не знал, что вы собирались к нам приехать. Свету хотите навестить?

— Здравствуй, Толя, — первой к нему навстречу пошла Вера. — Как ты? Справляешься?

— Справляюсь, выбора-то нет, — кивнул он, открыл перед ней калитку и обнял, как родную.

— Свете лучше не стало? — спросил Яров, протягивая

ему руку.

— Нет, все по-прежнему, — мужчина помрачнел. — Хотя нет. Хуже стало. Теперь она даже сидеть не может без помощи. Обычно я ей под спину подушек наложу и так кормлю, а теперь сама сесть уже не может. Да и руки ослабли. Если раньше шила и вязала, то теперь едва их поднимает, чтобы волосы прибрать.

Какое-то тягостное чувство безнадежности нахлынуло на всех. Еле сдерживая слезы, Вера наклонилась к мальчикам, которые с любопытством выглядывали из-за отца.

— Приходите завтра ко мне в гости. Я вас сладкими булочками накормлю и книжку с картинками подарю. Хорошо?

Мальчики энергично закивали и радостно переглянулись.

— Пойдемте в дом, — пригласил Толик, даже не спросив про меня.

Вера осталась с мальчиками во дворе, а мы вчетвером зашли в дом. Обстановка была самая обыкновенная. В одной комнате стояли печь с лежанкой, длинный кухонный стол и две скамьи, на стенах находились полки с посудой, с гвоздей свисали нитки с сушеными грибами и травами, а также различные холщовые мешки с крупами.

Из раскрытой двери второй комнаты виднелись кровати и длинный домотканый ковер на полу.

— Подождите здесь. Я предупрежу Свету, — сказал хозяин дома и прошел в спальню, из которой слышался то-

ропливый шепот.

В это время Яров наклонился к Анатолию Ренатовичу.

— Надо бы помочь им деньгами. Уж больно скромно живут.

— Согласен, — кивнул лекарь. — Тяжело одному и за семьей ухаживать, и деньги зарабатывать.

Брусникин показался в дверях и кивнул. Мы зашли в комнату, где пахло терпкой настойкой и чем-то кислым. На широкой кровати полулежала женщина. Лицо бледное, под глазами синева, щеки впали.

— Здравствуйте, Георгий Захарович, Анатолий Ренатович и... — слабым голосом сказала она и вопросительно посмотрела на меня.

— Степан Устинов, — представился я.

— Это наш студент-духогляд, — быстро дополнил Яров.

— Но ведь духогляд меня уже смотрел и ничего не нашел, — пожала она плечами.

— Они тоже разные бывают. Один не нашел, так может второй что-то разглядит, — ответил Анатолий Ренатович и кивнул мне. — Степа, действуй.

Я подошел к кровати и присел рядом с женщиной. Решил обследовать ее самым тщательным образом, поэтому переключил зрение и первым делом начал осматривать голову. Сначала изучил лицо и лоб, затем попросил повернуться в сторону окна и осмотрел левую часть, потом — правую и наконец сам приподнял ее голову и осмотрел затылок. Пу-

сто, только небольшие розовые прожилки, которые явно не представляют опасности и скорее всего появились от того, что женщина почти не двигается и постоянно лежит. Чтобы убрать эти прожилки, хватит самой слабой руны.

— Мне нужно осмотреть ваше тело. Разденьтесь, — велел я.

Женщина настороженно посмотрела на мужа. Тот недовольно скривил губы.

— Я против. Ее уже много раз осматривали и ничего не нашли.

— Толя, не надо прекращать попыток, — Яров быстро подошел к нему. — Пусть Степа посмотрит. Хуже от этого не будет.

— Но и лучше тоже. Сколько врачей ее уже осматривали, и все без толку. Уходите, все равно помочь не сможете, — Брусникин угрюмо посмотрел на меня.

— Зря ты так. Мы не просто так привели сюда Степу. Он хороший духогляд и помог многим, — вступил Анатолий Ренатович.

— Духогляд здесь тоже был, но лишь плечами пожал и ушел. Не вижу смысла снова проходить через это. Уходите по-хорошему, я уже никому не верю.

— Но ведь ты был рад нас увидеть, что изменилось? — нахмурил брови Яров.

— Я всегда вам рад, но не хочу, чтобы какой-то молоко-сос смотрел на мою раздетую жену, — буркнул он, понизив

голос, и покосился на меня.

— Не о том ты думаешь, Толя, — всплеснул руками Анатолий Ренатович. — Надо жену спасать, а ты...

— Я все сказал. Уходите! — повысил он голос.

Яров и Анатолий Ренатович переглянулись, отправляя друг другу еле заметные сигналы. Я понимал, что не стоит лезь на рожон и идти против мужа женщины, но не мог просто сдаться, ведь, возможно, исцелить ее — в моих силах.

— Никуда мы не уйдем, — твердо сказал Яров. — Только силой можешь нас выгнать. К тому же один ты такие вопросы решать не должен. Света, позволь Степану осмотреть тебя. Он здесь явно не для того, чтобы пялиться на твои прелести.

Женщина с мольбой посмотрела на мужа, а тот, поджав губы и глядя на нее из-под насупленных бровей, покачал головой.

— Нет, я не могу. Толя прав, вам лучше уйти, — чуть ли не плача, ответила она.

Академик и лекарь недоуменно уставились на нее.

— Неужели ты хочешь сдаться? Одумайся, Света, у тебя маленькие дети! — в сердцах воскликнул Анатолий Ренатович.

— О детях мы сами заботимся. Не волнуйтесь, к вам их не приведем, — сухо проговорил Брусникин. — Уходите, пока не выгнал взашей.

Щеки Ярова вспыхнули, а сам он напрягся, грозно глядя на молодого мужчину. Я решил вмешаться, пока дело не до-

шло до рукоприкладства.

— Если отказали ноги, значит, дело в спине. Мне нужно посмотреть лишь спину, и все, — примирительно сказал я.

Света снова посмотрела на мужа, но на этот раз со слезами на глазах. Уверен, она отдала бы все, чтобы снова иметь возможность двигаться, но не могла пойти против воли мужа, от которого полностью зависела.

Тот ответил не сразу. Какое-то время он смотрел в глаза жены, в которых стояли слезы, затем глубоко вдохнул и кивнул.

— Хорошо, но только спину.

Он помог Свете повернуться, задрал платье, прикрыл ягодицы и ноги покрывалом и буркнул, обращаясь ко мне:

— Гляди. Но что-то я сильно сомневаюсь, что сможешь помочь.

Я не стал ничего говорить. Понимал его недоверие к семнадцатилетнему парню, коим я сейчас являлся. Склонившись над женщиной, я принялся внимательно осматривать Свету, начиная с шеи. Здесь повсюду были те розовые прожилки, но чем ниже я спускался, тем ярче и четче они становились.

С того момента, как я начал осмотр, стояла гробовая тишина, которую вскоре нарушил Анатолий Ренатович.

— Ну что? Видишь что-нибудь? — шепотом спросил он.

В это самое время мой взгляд упал на продолговатую сущность, похожую на червя, но неясного черного очертания,

будто сделанную из дыма. Она располагалась вдоль позвоночника женщины в области поясницы. Червь извивался так, будто всеми силами пытался продвинуться вверх.

— Скажите, Светлана, у вас болит спина? — спросил я, обнаружив, что самая большая концентрация прожилок находится как раз вокруг червя.

— Нет. То есть я вообще ничего не чувствую. Кажется, будто все онемело, — ответила она. — А что такое?

— Вас осматривал духогляд. Когда это было? — продолжал расспрашивать я, проигнорировав ее вопрос.

— В прошлом году, как только слегла. А что? Есть там что-то? — с тревогой в голосе спросила она.

— Степа, не тяни, говори. Я весь уже на нервах, — поддержал ее Яров.

— Я думаю, что в то время болезнь только зарождалась, поэтому духогляд ее не увидел. Теперь же ее очень четко видно. Она находится вот здесь, — я провел пальцем по коже и продолжил объяснять, чтобы лекари смогли понять, что это может быть. — Длиной сантиметров пятнадцать, находится вдоль позвоночника с левой стороны. От нее расходится воспаление по всей спине, но в пояснице оно проявлено сильнее всего.

Я перевел взгляд на лекарей, которые принялись вполголоса обсуждать услышанное.

— Это может быть воспаление оболочки спинного мозга, — предположил Яров.

— Или межпозвоночная грыжа, — задумчиво сказал Анатолий Ренатович.

— А может, тромб в сосуде или даже инфекция, — продолжал рассуждать академик.

В это время Брусникин уложил жену обратно на подушки, накрыл одеялом и поцеловал в лоб. Я видел, что они оба с надеждой прислушиваются к обсуждению врачей. Мне тоже было интересно послушать, но гораздо важнее было понять, не что это за заболевание, а как его лечить.

— Света, дайте руку, — попросил я.

Первым делом женщина посмотрела на мужа. Тот еле заметно кивнул.

— Правую или левую? — уточнила она.

— Любую.

— Вы умеете читать по линиям? — уточнила она, с трудом подняла левую руку и повернула ее ладонью вверх.

— Нет, не умею. Но умею лечить с помощью знаков.

Первым делом нарисовал руну «Исцеления», следом — «Очищения» и «Быстрой регенерации». Все это время врачи не переставали рассуждать о том, что я увидел, и не обратили внимания на мои манипуляции.

— Это может быть даже абсцесс, поэтому предлагаю отвезти Свету в больницу и вскрыть то место, куда указал Степа, — проговорил Яров.

— Вполне возможно. Тем более была высокая температура, — поддержал его Анатолий Ренатович.

Я хоть и прислушивался к разговору, но не спускал взгляд с женщины, которая невидящим взглядом уставилась перед собой и напрягла брови. С ней явно что-то происходило.

— Вы что-то чувствуете? — вполголоса спросил я.

Света перевела на меня взгляд и еле заметно кивнула.

— Толя, ты готов отвезти жену прямо сейчас в больницу? — обратился Яров к Брусникину. — Мы с Анатолием Ренатовичем сами будем присутствовать на операции и все контролируем.

Брусникин ответить не успел. Его жена вдруг сдернула покрывало и воскликнула:

— Чувствую! Ноги чувствую! Посмотрите! — она зашевелила пальцами, затем согнула ноги и снова выпрямила.

— Да ты что! Светка! — радостный Брусникин бросился к жене.

— Как это? Почему? — развел руками Анатолий Ренатович и посмотрел на академика, но тот лишь пожал плечами.

Тем временем Светлана, придерживаясь за мужа, поднялась на ноги, но пойти не осмелилась. Ее трясло от слабости.

— Спасибо! Это ты что-то сделал, — она потянулась ко мне и взяла за руку. — Как только ты поводил пальцем, по мне сразу теплая волна пробежала, а потом... потом будто мурашки пошли по спине. Ноги немного дернулись, и я поняла, что могу ими пошевелить. Как ты это сделал?

— Использовал свои способности, но я бы хотел еще раз посмотреть на вашу спину, чтобы убедиться, что болезнь

пропала.

— Конечно-конечно. Толя, помоги.

На этот раз Брусникин без лишних вопросов развернул ее, задрал платье и выжидающе уставился на меня. Я переключил зрение и оглядел то место, где сидела черная тварь. На этот раз ни болезни, ни воспаления не было.

— Вы здоровы, но нужно время на восстановление. Вы слишком ослабли, лежа на кровати, — сказал я женщине. — Хорошее питание и движение вам помогут.

— Это что ж получается, ты просто взял и вылечил болезнь, которую мы даже еще не определили? — спросил изумленный Яров.

— Получается, что так, — пожал я плечами.

Далее последовали благодарности, слезы, обещания в вечной дружбе и радостные крики детей и Веры, когда Света на своих ногах, опершись на мужа, вышла на крыльцо. Брусникины пытались всучить мне деньги, но я отказался. Но зато взял целую корзинку яиц.

— Одно дело — слышать про те чудеса, что ты творишь, и совсем другое — присутствовать при этом. Я видел, что ты взял Свету за руку, но даже не предполагал, что это и есть твое лечение. Как-то по-другому себе все это представлял, — признался Яров, когда мы забрались в карету, и кучер погнал лошадей в сторону дома лекаря.

— И как же вы себе все представляли? — мне стало любопытно.

— Будто все должно вспыхнуть, светиться. В общем, как-то должна проявиться магия, — попытался объяснить он.

— На самом деле так и происходит, но все это вижу только я один. Для остальных людей ничего необычного нет.

— Это волшебство, — сказала Вера и в очередной раз обняла меня. — Я так рада, будто ты меня на ноги поставил, а не Свету. А как детишки обрадовались. Счастье-то какое.

— Да-а-а, — задумчиво протянул Яров, глядя на меня так, будто только сейчас по-настоящему увидел.

Он подвез нас до дома и, попрощавшись, уехал. Мы с Анатолием Ренатовичем сразу прошли в кабинет, где приступили к подготовке к завтрашнему экзамену. Лекарь нашел в одном из книжных шкафов учебники по арифметике своих детей и разложил их на столе передо мной. Я же начертил на себе руну «Бодрости» и принялся перелистывать их, выискивая темы, которые еще не изучил. Лекарь несколько раз порывался заговорить со мной о том, что произошло в доме Брусникиных, но каждый раз сам же одергивал себя и говорил, чтобы я не отвлекался.

Когда на улице совсем стемнело, Вера принесла поднос с чаем и выпечкой и предупредила, что ложится спать, но, если что-то понадобится, чтобы я не стеснялся ее будить. Вскоре Анатолий Ренатович задремал, сидя в кресле, а я без устали решал задачки. Только когда начало светать, я понял, что пора ложиться спать и восстановить энергию, ведь неизвестно, что может случиться на экзамене.

Аккуратно прикрыв за собой дверь кабинета, чтобы не разбудить лекаря, я прошел в свою комнату и, не раздеваясь, рухнул на кровать. От завтрашнего дня многое зависит, поэтому нужно быть с ясной головой и полным сил.

Глава 5

Георгий Яров не мог до конца поверить в то, что произошло. Прямо на его глазах случилось чудо. Женщина, у которой отказали ноги, столько пролежавшая в постели, после манипуляций Устинова вновь обрела возможность двигаться. И, более того, почти сразу пошла, хоть и придерживаясь за мужа.

— Как такое возможно? — вслух произнес академик, невидящим взглядом уставившись в окно, за которым виднелись горящие уличные лампы города.

— Георгий Захарович, вы мне что-то сказали?! — донесся до него крик кучера.

— Нет! Езжай!

Яров снова окунулся в свои мысли. Кто-то мог бы возразить и сказать, что знахарь просто внушил женщине, что она может ходить, и та, поверив в себя, каким-то образом вновь смогла двигать ногами и чувствовать их. Но ведь развитие болезни Светланы происходило на его глазах, и он сам был свидетелем того, как с каждым днем женщина слабела и как ужасалась тому, что просто не чувствует ноги и не может пошевелить ими, будто они стали чужими. Именно они вместе с Анатолием Ренатовичем использовали все свои возможности и знания, чтобы помочь молодой женщине, но усилия были тщетными. В конце концов они сдались, смирившись с

тем, что болезнь бывает сильнее даже самых умных и опытных врачей.

Именно поэтому то, что сделал Устинов, стало для Ярова определяющим. Академик сам убедился в силе этого юноши и согласился со словами врача, который говорил, что не поддержать такой сильный дар равносильно серьезному преступлению. По собственному опыту Яров знал, что в академию попадают не самые сильные и умные, а самые родовитые и богатые. Не раз он являлся свидетелем того, как другим искусственно занижали оценки, чтобы «пропихнуть» нужного человека. К тому же профессор и преподаватель академии Мелехин против поступления Устинова, что точно может повлиять на дальнейшую судьбу молодого мага. Яров дал себе слово, что сделает все возможное, чтобы Устинов поступил. Даже сейчас, наступив на собственную гордость, он ехал к профессору, чтобы еще раз поговорить с ним и взвзвешивать друга.

Вскоре раздалось характерное «тпру», и карета остановилась. Яров вышел на улицу, вдохнул полной грудью прохладный вечерний воздух и осмотрелся. На город опустилась тьма, которую рассеивали лишь желтые огни масляных фонарей и свет из окон. По тротуарам неспешно прохаживались парочки, торопились домой уставшие рабочие и крестьяне, разносчиков газет и торговцев с лотками уже не было видно. Лавки закрылись, и только из трактира, что находился через три дома на противоположной стороне дороги, доносились

громкие разговоры и хохот.

Задрав голову, Яров посмотрел на окна квартиры Мелехина. Из гостиной лился мягкий свет — значит, профессор дома и еще не спит. Махнув кучеру, Яров подошел к двери парадной и потянул ее на себя. Прохлада каменного здания окутала его, и в нос ударил запах, свойственный всем многоквартирным домам: где-то жарили блины, пахло душистым мылом от свежевывстиранного белья, кто-то курил табак и тому подобное.

Поднимаясь по ступеням, он пытался подобрать правильные слова, которые наверняка убедили бы Мелехина в том, что не надо мешать Устинову. Однако он прекрасно понимал, что профессор очень упертый и не любит признавать свои ошибки, поэтому будет сопротивляться до последнего.

Остановившись у знакомой двери, Яров пару раз глубоко вдохнул, чтобы восстановить дыхание. Затем поднял руку и постучал. Стук эхом разнесся по всей парадной. Где-то сверху послышался щелчок и звук открываемой двери. Наверняка какая-нибудь любопытная бабка выглянула, чтобы посмотреть, к кому пришли гости.

Время шло, но Мелехин не открывал. Яров постучал сильнее и припал ухом к двери. Вскоре послышались шаркающие шаги, замок щелкнул, и сквозь щель, через которую виднелась дверная цепочка, показалось заспанное лицо профессора. Подслеповато прищурившись, Мелехин всмотрелся в лицо академика и хрипло спросил:

— Гоша, что случилось?

— Кое-что случилось. Открывай. Разговор есть.

Мелехин снял цепочку и распахнул дверь. Яров зашел и окинул внимательным взглядом друга. Тот был в халате и в тапочках на босые ноги, волосы взъерошены. Он тер сонные глаза и широко зевал.

— Прости, что разбудил, но дело срочное, — проговорил Яров, снял сюртук и двинулся в сторону гостиной, освещенной свечами, медленно тающими в канделябре.

Мелехин, шаркая, двинулся следом. Он выглядел встревоженным, ведь не ожидал такого позднего гостя. Да и вообще не думал, что Яров так быстро приедет к нему мириться.

Академик не стал садиться в кресло, а подошел к окну, задернул штору и, развернувшись, каким-то напряженным, серьезным взглядом посмотрел на профессора.

— Не тяни. Что случилось? — спросил Мелехин и затянул потуже пояс халата.

— Хочу поговорить с тобой о том сибирском знахаре Устинове.

У профессора тут же отлегло на сердце, ведь он успел подумать о самом плохом: смерть или болезнь близких, либо пожар.

— Зачем нам вообще о нем разговаривать? Тем более в такое позднее время, — Мелехин плюхнулся в кресло, в котором еще пару минут назад сладко спал, умаявшись в академии.

— Затем, что я с ним сегодня познакомился.

— С Устиновым? — у Мелехина глаза на лоб полезли. — Где? Как ты его нашел и зачем вообще искал?

— Я его не искал. Ко мне сегодня приходил в гости лекарь Калинин. Он и привел Устинова.

— Ну-ка, расскажи поподробнее, — оживился профессор и даже потер руки от предвкушения. — Ты раскусил его?

— Степан оказался приятным молодым человеком. Вежливый, воспитанный...

— Это из сибирской-то деревушки он вежливый и воспитанный, — с сомнением протянул Мелехин и усмехнулся.

— Именно так, — строго посмотрел на него академик и уже хотел продолжить, но профессор снова перебил его.

— Где Калинин нашел этого мошенника Устинова и зачем вообще к тебе привел?

— Во-первых, никакой Степан не мошенник. Во-вторых, они познакомились в поезде. Больше не перебивай меня, если не хочешь разозлить, — предупредил он.

Мелехин сделал недовольную мину и кивнул. Яров пересказал то, что услышал от Анатолия Ренатовича, а затем перешел к истории со Светланой. Мелехин стойко держал рот закрытым, хотя пару раз порывался прервать, но, встретившись с предупреждающим взглядом академика, предпочитал молчать.

— ...именно поэтому я прошу тебя дать молодому человеку шанс поступить и не мешать ему, — этими словами за-

кончил Яров свой длинный рассказ.

— Мне уже можно говорить или еще помолчать? — с ехидством спросил профессор.

— Говори.

— Я помню лекаря Калинина. Виделся с ним однажды в твоём доме. Кажется, ты тогда отмечал свой выход на пенсию, — Мелехин поднялся на ноги и принялся прохаживаться по гостиной.

— Возможно. Он часто бывает в моём доме, ведь мы с ним живём в одной деревне.

— Да-да, об этом я тоже помню. Тогда он произвел на меня впечатление тихого и скромного человека.

— Так и есть. Анатолий Ренатович не любит высовываться и живёт спокойной, размеренной жизнью.

— Вот в этом-то и есть проблема. Такие люди, как правило, очень доверчивы и наивны. Этот прохвост каким-то образом воздействовал на Калинина, а тот накрутил тебя. Получается, что Устинов умеет найти подход к разным людям. Именно в этом его талант, а не в каких-то уникальных способностях.

— Что за бред ты несешь?! — взорвался Яров. — Я, по-твоему, настолько дурак и глупец, что не могу отличить правду от лжи?! Ты вообще слушал, о чём я тебе только что говорил?

— Ты не дурак и не глупец, — все тем же спокойным голосом продолжал профессор. — Но ты, как я уже успел за-

метить, очень любишь защищать тех, кого защищать не следует. Вспомнить хотя бы ту медсестру, которая убила пациента.

— Она ни в чем не виновата! Медсестер не учат вскрывать трахею при отеке. Этот пробел в знаниях целиком и полностью лежит на плечах учреждения, где она обучалась.

— Мы сейчас говорим не о ней, а о знахаре, который, возможно, такой обаятельный и располагающий к себе, что смог затуманить голову даже тебе — академику медицинских наук. Вот теперь становится ясно, каким образом ему удалось одурачить всех тех людей, что пишут о нем хвалебные отзывы.

Яров не мог поверить своим ушам. Он знал, что профессора очень трудно переубедить, но даже не предполагал, что тот настолько закоренелый. Глубоко вздохнув, он досчитал до десяти, чтобы успокоиться и снова не сорваться на крик.

— Ладно, допустим, что все рассказы о нем — выдумка, — примирительно проговорил академик. — Но что ты скажешь о том случае, о котором я рассказал тебе только что? Ты же сам видел Светлану Брусникину и пытался ей помочь.

— Да, я прекрасно помню ту бедняжку. Однако кто может гарантировать, что все произошедшее — это не стечение обстоятельств? Может, она уже давно обрела способность ходить, только так привыкла к своему положению, что просто не пыталась встать и не знала, что болезнь ее уже отпустила?

— Она начала чувствовать ноги прямо при нас и сразу

после того, как Устинов нарисовал свои магические знаки,
— сухо ответил Яров, чувствуя, как снова закипает.

— Ты видел эти знаки? Что они из себя представляют?

— Нет, не видел. Мы с Калининым как раз обсуждали...

— Ну вот ты сам и ответил на все вопросы! Никто ничего не видел, не знает, но каждый уверен, что эти знаки имеют силу и именно они помогают справиться с болезнью. Вы все просто наивные дети, которым хочется верить в чудо!
— Мелехин указал крючковатым пальцем на академика. — Ты и тебе подобные разгоняют эти глупости! Именно из-за вас снова появятся всякого рода мошенники, из-за которых будут массово погибать наши сограждане! Магические знаки, «живая» вода, амулеты от всех болезней и прочая ерунда будет продаваться за огромные деньги, ведь любой нормальный человек отдаст последнее, чтобы спасти родных и близких. Неужели ты не понимаешь, что мы не имеем права поддерживать этих лжецелителей и сомнительных знахарей?

Раньше Яров согласился бы с каждым сказанным словом, но не сейчас. Он присутствовал при лечении и своими глазами видел, как безнадежно больная женщина встала на ноги.

— Какие доказательства тебе нужны? — пытаюсь сохранять спокойствие, спросил Яров. — Может, пригласим Устинова в больницу, и тогда...

— Ни-за-что! — твердо, по слогам произнес профессор. — Ноги этого шарлатана не будет ни в больнице, ни в академии. Я костыми лягу, но не допущу этого!

Академик внимательно посмотрел на друга и понял, что переубедить профессора не получится. Он понимал его, ведь сам тоже не был уверен в способностях Устинова, пока не проверил.

— Хорошо, пусть каждый останется при своем. Одно могу сказать с уверенностью: ты поменяешь мнение об Устинове. Хочу попросить лишь об одном — не мешай ему.

— Я сделаю все, чтобы он не поступил, — с вызовом сказал Мелехин.

Яров поджал губы, смерил профессора недобрым взглядом и, не говоря ни слова, поспешил к выходу.

— Зря только приехал. Старый дурак! Ты еще пожалеешь, что так себя вел. Вот увидишь, Устинов покажет, насколько ты был не прав! — прокричал он, прежде чем захлопнуть дверь.

Яров быстро спустился по лестнице и выбежал на улицу. К этому времени он уже остыл и теперь быстро продумывал свои дальнейшие действия. Сначала он решил, что можно было бы пожаловаться ректору на Мелехина. Однако он тут же отринул эту идею, ведь не хотел навредить другу, хоть и был с ним в ссоре. Вторая мысль, которая его посетила — самому напроситься на экзамен. Но вступать в спор с Мелехиным при свидетелях и особенно при поступающих он точно бы не стал, поэтому эта идея тоже полетела в мусорное ведро.

— Что же делать? — вслух произнес он, остановившись

у кареты.

— А? Чего? Вы мне что-то сказали? — встрепнулся кучер, который задремал на козлах.

— Нет, — с раздражением махнул рукой академик и посмотрел на звездное небо.

Вдруг он вспомнил про еще одного своего знакомого, с которым не раз встречался в анатомическом театре при вскрытии скоропостижно умерших и однажды был приглашен к нему в дом на празднование рождения дочери. Это был ассистент декана медицинской академии, который неизменно присутствовал на экзаменах. Если уж к кому обращаться, то только к нему.

— Поехали на Васильевскую, — сказал он кучеру и взобрался в карету.

Точный адрес он не знал, но помнил, как выглядит дом. Как только карета въехала на Васильевскую, кучер осадил лошадей и медленно двинулся вдоль обочины, в то время как Яров внимательно всматривался в полутьму, пытаясь разглядеть нужный дом.

— Стой! Стой! — крикнул академик, увидев знакомые ворота и желтеющие между кустами стены дома.

Георгий так горел идеей помочь молодому дарованию, что совсем забыл о времени. Только когда он подошел к воротам и увидел, что все окна чернеют и нигде нет ни одного огонька, вытащил из кармана часы и в свете уличного фонаря разглядел, что сейчас почти полночь. Будить людей он не

хотел, поэтому вернулся в карету и велел ехать домой. Он вспомнил о том, что Степа говорил об арифметике, а на этом экзамене Мелехина точно не будет, значит, время еще есть.

Под монотонное цоканье копыт по мостовой Яров заснул, и приснился ему странный сон. Будто стоит он у подножья горы и, задрав голову, смотрит на вершину. Там, в золотистом свете солнца, виднеется мужская фигура. Вокруг него прямо в воздухе кружатся голубые знаки, которые он отправляет вдаль — туда, где нужна помощь. Яров прищурился в надежде увидеть Степана, но это был другой человек — широкоплечий, мускулистый мужчина с аккуратно подстриженной бородой и короткими темными волосами.

— Кто ты? — прокричал академик, приложив руки к губам на манер рупора.

— Аскольд, — это имя принес ветер, внезапно обрушившийся на него.

Яров вздрогнул и проснулся. В его ушах по-прежнему звучало: Аскольд... Аскольд... Аскольд.

Он выглянул в окно, увидел, что до дома еще далеко, и снова задремал. Проснулся через время от прикосновения к плечу.

— Георгий Захарович, приехали, — сказал кучер.

— Спасибо, — академик вышел из кареты и потянулся, разминая затекшую спину. — Мне что-то приснилось, но — хоть убей — не помню, что именно.

— Значит, ничего важного, — пожал плечами кучер, и

Яров с ним согласился.

Я приехал на извозчике к зданию академии. Вера накормила меня вкусным и сытным завтраком, Анатолий Ренатович сказал несколько напутственных слов и даже порывался ехать со мной, но я отговорил его. Няньки мне не нужны.

Экзамен был назначен на девять часов, но я решил приехать пораньше и ровно в восемь зашел в вестибюль академии. Внутри уже толпились парни и девушки. Кто-то вполголоса повторял таблицу умножения, кто-то листал исписанную тетрадь, кто-то нервно слонялся по каменному полу, кто-то же, наоборот, делал вид, будто ему все равно. У лестницы собрались несколько хорошо одетых парней, которые над чем-то смеялись.

Я поправил ворот рубашки, проверил, все ли на месте: паспорт, письменный набор, чистые листы — больше ничего с собой брать было нельзя, — и прошел к стене, где висели объявления. В прошлый раз я успел прочесть только некоторые из них, поэтому теперь с интересом прочел все листки, изучил все таблицы и списки, которые хоть немного раскрыли мне студенческую жизнь.

Когда оглянулся, увидел, что народу еще прибавилось, а время на часах приближалось к девяти. Вскоре все друг за другом начали подниматься по лестнице на второй этаж.

Именно там находилась аудитория, в которой будет проходить экзамен. Ну что ж, пришла пора проверить свои знания. Надеюсь, я не подведу тех, кто в меня верит.

Глава 6

Возле аудитории собралась очередь. На лицах поступающих читались страх, волнение и одновременно с этим предвкушение. Я встал в ряд сразу за хрупкой девушкой с большими раскосыми глазами, как у лани. Она посмотрела на меня и слабо улыбнулась. Я заметил в ее руках носовой платок, который она нервно мяла, направляя в это действие свои эмоции.

— Ты хорошо разбираешься в арифметике? — вдруг шепнула она мне.

— Надеюсь, что да, — улыбнулся я.

— Я, когда волнуюсь, все забываю, — призналась она. — Уже все формулы и теоремы из головы вылетели, а я их и так плохо понимаю. Арифметика всегда трудно давалась. Боюсь вылететь на первом же экзамене. Ты можешь мне помочь?

— Как?

— Садись рядом со мной. Если сможешь — подскажешь. Хорошо? — она с мольбой посмотрела на меня.

— Хорошо. Меня Степан зовут.

— А я Анастасия Бестужева, — она чуть улыбнулась.

В это время дверь аудитории открылась, и показался высокий молодой мужчина с зачесанными назад выющимися волосами. Он был одет в темно-синий костюм с красной эмблемой на груди. Мужчина окинул нас внимательным взглядом.

дом и, откашлявшись, начал говорить:

— Приветствую вас в стенах Императорской медицинской академии. Меня зовут Вавилов Прохор Дмитриевич, и я являюсь клиническим ассистентом академии. Экзамен по арифметике будут принимать преподаватели Илларионов Лев Алексеевич и Жданов Юрий Трофимович. Сейчас вы по одному будете заходить в аудиторию и первым делом показывать паспорт. После этого получите лист с заданиями и займете место в аудитории. На решение билета вам дается один час. После того как решите, сдаете билет и листы с записями, потом просто выходите. Все это время в аудитории должна царить полная тишина! — он повысил голос, так как все начали переговариваться. — Совещаться с другими запрещено. Пользоваться шпаргалками запрещено! Считать вслух — запрещено!

— А дышать можно? — выкрикнул кто-то.

— Можно, но тихо и без свиста, — Вавилов едва смог сдержать улыбку. — Всем удачи! Заходим по одному! — предупредил он и скрылся в аудитории.

Друг за другом молодые люди начали заходить в помещение. Очередь быстро продвигалась.

— Я так волнуюсь, что меня трясет и не хватает воздуха, — прошептала Настя и показала руку, которая мелко дрожала.

— Если хочешь, я тебе помогу, — предложил я.

— Как?

— Дай сюда руку.

Девушка пожала плечами и протянула мне свою влажную холодную ладонь. Я нарисовал на ней руну «Гармонии». Девушка глубоко вздохнула и успокоилась. Ее больше не трясло, она выпрямилась и стала выглядеть уверенно.

— Что ты сделал? — удивилась она, вглядываясь в ладонь, на которой я рисовал.

— Помог успокоиться, — улыбнулся я и легонько подтолкнул ее вперед. — Ты следующая, заходи.

Настя убрала носовой платок в рукав и с гордо поднятой головой зашла в аудиторию. Прошло несколько секунд, когда я услышал голос из-за двери:

— Следующий!

Переступив порог, я ощутил тяжелый душный воздух. В высокие арочные окна светило солнце, нагревая помещение, в котором было уже человек тридцать. Форточки не справлялись с проветриванием, поэтому многие обмахивались платками или чистыми листами.

Парты располагались амфитеатром, напротив, у черной доски, стоял длинный стол, за которым сидели трое мужчин, одним из которых был Вавилов.

— Паспорт покажи, — велел он.

Я открыл документ и протянул ему. Тот мельком взглянул на мою фамилию, сделал запись в журнале и указал на листы бумаги, разложенные на первой парте.

— Возьми билет и назови номер.

Я взял первый попавшийся. Весь лист был исписан аккуратным мелким почерком. На самом верху стоял номер, обведенный чернилами несколько раз, а рядом — синяя печать с полным названием академии.

— Двадцать.

— Хорошо, садись, — Вавилов сделал пометку, повернулся к двери и крикнул. — Следующий!

Я осмотрелся. Все, кто зашел передо мной, уже что-то решали, быстро орудуя перьями, и только Анастасия Бестужева смотрела в окно, на проплывающие вдали облака.

Похоже, она не лукавила, когда сказала, что не смыслит в арифметике. Я поднялся на пятый ряд и опустился за парту рядом с ней. Мельком взглянув на лист, лежащий перед ней, заметил, что там стоит только номер задания, и все. Даже не начала решать первое. Похоже, все же придется помочь девушке. Но сначала разберусь со своими задачками.

В билете было всего пять заданий. Первые два решил за несколько минут. Это были примеры. Третьей была задачка, с которой пришлось повозиться, но и ее я решил. Четвертая задача заставила меня напрячься. Речь шла о купце, торгующем тканью. Здесь требовалось вычислять с помощью пропорций, с которыми я познакомился не так давно и не успел как следует разобраться. Несколько раз ошибся с вычислениями, и у меня никак не получалось соотнести ответ с условиями, поэтому потратил довольно много времени. Взглянув на часы, висящие над черной доской, увидел, что до конца

экзамена осталось пятнадцать минут, и к тому же многие уже сдали свои ответы и покинули аудиторию.

— Степа, — услышал я шепот и, повернувшись, встретился с умоляющим взглядом Насти.

Взглянув на ее лист, увидел, что она решила первые два задания и застряла на третьем.

— Помоги, — одними губами попросила она.

Ну что ж, надеюсь, четырех заданий из пяти хватит для поступления. Я незаметно для преподавателей и ассистента подвинул к себе лист с заданиями Насти и на черновике решил ее третью задачку. Она тоже была сложная, но, к счастью, я только вчера повторял эту тему. Пока девушка переписывала с черновика решение на свой лист, я попытался решить свою пятую задачу, но, даже прочитав условие три раза, не понял, с чего начать. Речь шла о процентах и бухгалтерском учете, который обычно ведут купцы.

— Все! Время закончилось! — Вавилов поднялся с места и оглядел оставшихся. — Сдавайте билеты и решения.

Мы с Настей сдали листы и вышли из аудитории.

— Спасибо, что не отказал, — улыбнулась она, но глаза оставались печальными.

Мы как раз подошли к лестнице и начали спускаться.

— Пожалуйста. Как думаешь, сколько нужно решить для поступления?

— Не меньше трех заданий при условии, что там нет ошибок.

Вот теперь и я стал немного тревожиться. Решил я четыре, но ведь мог просчитаться или неправильно понять условия и, соответственно, неправильно решить.

— Завтра развешат списки, и все станет ясно, — Настя указала на стену, где на доску были прикреплены объявления. — Если не провалюсь — увидимся на литературе. Вот там я точно наберу максимальный балл, — с гордостью сказала она. — В сочинениях была лучшая в женской гимназии.

— Везет, а я не успел как следует подготовиться, — тяжело вздохнул я, прекрасно понимая, что никакая руна не сможет прочесть за пару дней весь тот список произведений, который писала мне Полина.

— А давай я тебе тоже помогу, если допустят до экзамена? — оживилась Настя. — Так же сядем вместе.

— Было бы хорошо, — согласился я, но надежды на Настю не было, ведь она могла ошибиться в примерах, поэтому есть вероятность, что ее до следующего экзамена не допустят.

Мы вышли на улицу, попрощались и двинулись в разных направлениях: она поспешила к карете, ожидающей ее, а я двинулся вдоль ряда лавок в надежде найти торговца квасом, так как хотелось пить после душной аудитории.

Торговца не нашел, поэтому пришлось зайти в трактир. Попивая прохладный квас, я смотрел в окно. Настроение было упадническое. Я не был уверен ни в одном задании. Мне даже стало казаться, что я примеры неправильно решил. Появились сомнения, те ли знаки я поставил. А может, вооб-

ще неправильно переписал и совершил ошибку в числах. В общем, мне нужно было срочно себя чем-то занять, чтобы совсем не раскиснуть.

Тут я вспомнил о магическом камне, который забрал у старателя. Ему я обещал, что схожу в Горный департамент и все выясню, а потом напишу письмо, в котором расскажу обо всем, что удалось узнать.

Допив квас, расплатился, вышел на улицу и, поймав извозчика, поехал в Выселки за камнем, который остался в рюкзаке. Его я не стал брать с собой на экзамен, чтобы не изъяли.

Родион Петрович Рачков сидел в своей конторе и заполнял таблички, изображая дотошного и ответственного работника. Делал он это машинально, а сам обдумывал, как бы подобраться к Устинову. Как он успел выяснить, сегодня начинались экзамены в академию. Наемник прекрасно знал, что это значит — в здании соберутся толпы ничего не понимающих юнцов, которые держатся группками и боятся хоть на шаг отойти в сторону. В таком случае до Устинова будет трудно добраться. К тому же вокруг слишком много глаз, которые наверняка что-то заметят.

Рачков был уверен, что второй экзамен пройдет уже в более спокойной обстановке. Вот тогда-то и можно будет подкараулить знахаря где-нибудь на улице или прямо в здании

академии. Существовала вероятность, что Устинова не допустят до экзамена, но на этот случай Рачков тоже подготовился. Он снова прикинется родственником Устинова и узнает всю информацию о нем в канцелярии академии. В общем, теперь вся жизнь наемника и его мысли крутились вокруг единственного человека, которого пока не удалось убить.

Закончив со срочными делами, Рачков попрощался с коллегами, сославшись на головную боль, и вышел на улицу. Ноги сами понесли его к академии. Прежде всего нужно изучить расположение помещений. Узнать, где легче всего затаиться. Куда побежать, если что-то пойдет не по плану. Где можно следить за обстановкой, не привлекая внимания.

Идти пришлось довольно далеко, почти полчаса Рачков потратил на дорогу. Он добрался до величественного здания академии, состоящего из нескольких корпусов, поднялся на высокое крыльцо и потянул на себя тяжелую дверь. В вестибюле уже никого не было. Вечерние лучи солнца освещали пол, сложенный из серых каменных блоков, на которых была выбита эмблема академии.

Рачков опытным взглядом осмотрел помещение, запоминая каждую мелочь: колонна у стены, сразу за ней — альков, темное пространство под левой лестницей, два коридора, убегающих в разные стороны.

— Эй, вам чего? — окликнул его пожилой мужчина, показавшийся у перил второго этажа. — Уже все закрыто. При-

ходите завтра.

— Я всего лишь хотел спросить, — быстро нашелся Рачков. — Сегодня мой племянник сдавал экзамен. Когда будут известны результаты?

— Завтра утром вывесят список. Ждите.

— Хорошо, спасибо, — льстиво улыбнулся Рачков, еще раз бегло оглядел вестибюль и вышел.

Ему в голову пришла идея: а что, если завтра утром подкараулить Устинова, когда тот придет узнать результаты экзамена? Можно будет даже сесть ему на хвост и прикончить в любом удобном месте.

В приподнятом настроении Рачков поспешил в сторону дома, чувствуя, как от предвкушения скорой расправы над врагом по спине побежали мурашки.

Я рассказал Анатолию Ренатовичу и Вере о том, как прошел экзамен, пообедал и, уточнив, где находится Горный департамент, снова поехал в Москву. Можно было бы это время потратить на подготовку к литературе, но я не был уверен, что меня допустят до экзамена, поэтому решил дожждаться завтрашний список и только после этого решать, что делать дальше.

Горный департамент располагался в одноэтажном каменном здании и выглядел довольно солидно: массивные двери, высокие прямоугольные окна, железная крыша, покрашен-

ная в красно-коричневый цвет. Я поднялся по широким ступеням и остановился у двери. Рядом висела табличка из темного дерева, и буквами из латуни было написано название: «Горный департамент».

Вдруг дверь резко открылась, и я едва успел отскочить в сторону. Мне навстречу выбежал чиновник в форменном сюртуке и торопливо пробежал мимо, даже не удостоившись извиниться. Я зашел в приоткрытую дверь и осмотрелся. Вокруг царил сует. Мужчины в одинаковых формах проходили мимо с папками в руках. В воздухе пахло чернилами, воском для сургуча и старой бумагой.

Я не знал, куда идти, поэтому остановил мимо проходящего чиновника:

— Подскажите, к кому обратиться, чтобы узнать о камне? Тот остановился и окинул меня внимательным взглядом.

— Ты нашел какой-то булыжник и хочешь узнать, представляет он ценность или нет? — уточнил он.

— Не совсем, — задумался я. — Но...

— Иди в Минеральный кабинет и сравни его с другими камнями, — перебил он меня, указал на двустворчатые деревянные двери и поспешно ушел.

Я подошел к дверям и заглянул внутрь. Помещение было большое и напоминало анатомический музей — те же стеллажи, стеклянные шкафы, коробки и ящики. Я зашел внутрь и огляделся в попытке найти кого-нибудь, но быстро убедился, что в кабинете никого нет. Ну что ж, сам поищу камень,

похожий на мой.

Я медленно двинулся вдоль витрин с образцами. Все экспонаты были подписаны: с какой местности привезены, из какого рудника, завода или горы. Камни располагались таким образом, что один и тот же вид из разных месторождений можно было сравнить по виду, цвету, блеску и вкраплениям.

Я продвигался все дальше и из любопытства изучал не только камни, но и различные руды и металлы. Первым была представлена железная руда, которая делилась по структуре и примесям. Затем — медные руды с зелеными и синими налетами. За ними — свинцовые и оловянные рудные камни. Иногда рядом с рудой лежали выплавленные кусочки металла. Видимо, для того, чтобы можно было увидеть, что из них получают.

Я обошел почти весь Минеральный кабинет, когда дверь открылась и на пороге появился пожилой мужчина в точно такой же форме, в какой ходят остальные работники департамента.

— Молодой человек, вы потерялись? — он настороженно уставился на меня.

— Нет, я принес камень и хотел бы узнать о нем побольше, но на витрине не нашел ничего похожего, — я двинулся к нему навстречу, снимая с плеча рюкзак.

— Не нашел? — нахмурил он брови. — Такого быть не может. У нас уникальная и самая подробная коллекция кам-

ней и других ископаемых, добываемых на территории нашей страны.

— Вот поэтому я и пришел к вам. Подскажите, что это может быть? — я вытащил из рюкзака сверток и развернул его.

От хлынувшей в разные стороны магической энергии у меня перехватило дыхание. Я уже научился справляться с ней, поэтому просто протяжно выдохнул и протянул камень мужчине. Тот вытащил из нагрудного кармана пенсне, нацепил на кончик носа, забрал камень и подошел с ним к окну.

— Какой интересный экземпляр, — проговорил он, вглядываясь в него. — Вы правы, у нас такого нет. Где вы его нашли?

— Забрал у старателя-золотодобытчика. Тот нашел его на берегу реки.

— В Африке? — спросил мужчина.

— Почему в Африке? — удивился я. — Нет. Здесь, в империи.

— Странно. Я сам первый раз вижу подобный камень. Он отдаленно напоминает лазурит и бирюзу, но явно не является ни тем, ни другим. Оставьте его здесь, я покажу его своим коллегам.

— Нет, оставить не могу, — я уже протянул руку, чтобы забрать камень, но чиновник не торопился его отдавать.

— Тогда пойдемте со мной. Покажем еще одному человеку. Я по большей части рудами занимаюсь, а он как раз от-

ветственен за камни и их добычу.

— Хорошо.

Мы вместе вышли из Минерального кабинета и двинулись по широкому коридору.

— Этот камень не мог быть только что добытым, — сказал он мне.

— Почему?

— Он явно прошел через обработку, ведь имеет идеальную форму и отлично отшлифован. Над ним явно поработал мастер своего дела.

— Возможно, — пожал я плечами, ведь не сам нашел камень, а это значит, что старатель мог уже отдать его на обработку, чтобы выгоднее продать, а мне об этом не сказал.

Мы дошли до двери, на которой было написано: «Хранитель Минерального кабинета».

— Я здесь, — послышался сзади голос. — Чего хотели?

Я обернулся и увидел тучного мужчину небольшого роста. На вид ему было лет пятьдесят: посеребренные виски, морщины на лбу и вокруг живых любопытных глаз.

— Кирилл Павлович, я в замешательстве. — пожаловался чиновник. — Молодой человек принес камень, а я, представьте себе, понятия не имею, что это может быть.

— А ну-ка, покажите мне, — тучный мужчина забрал камень, зашел в кабинет и сел за стол, где зажег масляную лампу и взял в руку лупу. — На первый взгляд я бы сказал, что это... хотя нет, — он крутил камень в руках, вглядываясь в

него сквозь увеличительное стекло. — Если у молодого человека есть время, то я прямо сейчас могу провести все измерения: проверить на твердость, опробовать магнит, применить кислоты, раскалить на горелке...

— Нет, я против. Вы можете его испортить, — остановил я его и хотел забрать камень, но и этот человек не торопился его отдавать.

— Позвольте хотя бы подержать над спиртовкой или провести простые эксперименты с химическими реактивами, — попросил он, прижимая камень к груди.

— Нет. Отдайте камень, и я уйду, — я начал терять самообладание. Стало складываться ощущение, будто камень и для него тоже представляет ценность.

— Ладно, — нехотя выдохнул он, еще раз посмотрел на камень, провел пальцем по его гладкому боку и отдал. — Я однажды видел такой, но он был меньшего размера.

— Где вы его видели? — оживился чиновник.

— Не важно. В одной деревушке, — отмахнулся он. — Там камень использовали для ритуалов и прочих магических действий. Местные были уверены, что камень является природным источником живой магической энергии. Я бы с удовольствием выкупил у вас этот камень. Сколько попросите? — он выжидательно посмотрел на меня.

— Камень не продается. Спасибо, что попытались помочь, — ответил я, спрятал его в рюкзак и вышел из кабинета.

Ну вот, зря пришел, яснее не стало. Но я все равно решил написать письмо старателю, чей адрес хранил в кармашке рюкзака. Расскажу, что образцов в Горном департаменте нет и что если он найдет еще один такой камень, я готов его выкупить. Я поймал извозчика и велел ехать в почтовую контору.

Глава 7

Академик Яров сидел в саду у своего знакомого и пил чай, который хозяин дома налил из только что вскипевшего самовара. Вечерело. На западе закат окрасил небо в оранжево-розовые тона.

— Георгий Захарович, вы не хотите вернуться в академию? Без вас все не то и все не так. Нет больше той приверженности к лечебному делу и здорового азарта, какие были во времена моего студенчества, — сказал ассистент Вавилов и подвинул к академику пиалу с малиновым вареньем.

— Я уверен в качестве образования, пока в академии работают такие люди, как вы, Прохор Дмитриевич, и профессор Мелехин, — Яров отпил чай и отмахнулся от мухи, которая так и норовила опуститься на варенье.

— Вы говорили, что имеете ко мне конфиденциальный разговор, — напомнил Вавилов. — О чем речь?

— Не такой уж он и конфиденциальный, — Яров поставил на стол чашку и внимательно посмотрел в глаза молодого мужчины. — Скажите, как вы относитесь к магам в медицине?

Академик решил начать издалека, чтобы еще сильнее не навредить Устинову.

— Никогда не задумывался об этом, — пожал плечами Вавилов. — Сейчас даже духоглядов не осталось, а говорят,

раньше только на них строилась вся диагностика. Сильных шептунов, способных помочь больному, используя заклинания, тоже почти не встретишь. В Петербурге есть один, но к нему очередь на полгода вперед. Мне было интересно с ним пообщаться и я даже писал ему письмо с просьбой об аудиенции, но он отказал, сославшись на занятость. А почему вы спрашиваете об этом?

— Вы когда-нибудь слышали о Степане Устинове?

— Э-э-э, — Вавилов задумался. — Нет, а кто это? Какой-то выдающийся лекарь?

— Пока нет, но обязательно им будет, — загадочно ответил Яров и оперся о спинку стула, который под ним жалобно заскрипел. — Степан Устинов — сибирский знахарь-духогляд, который хочет получить медицинское образование, чтобы понимать болезни, которые видит, и уметь их лечить.

— Так-так, уже интересно, — Вавилов подался вперед, не сводя взгляда с академика.

— Степан довольно молод, ему всего семнадцать лет, но о нем уже писали статьи в газетах как о талантливом знахаре. Я сам убедился в его способностях, как и мой давний друг — лекарь Калинин. Однако профессор Мелехин крайне отрицательно отнесся к тому, что в академии появится маг. Он намерен завалить его на экзамене.

— Хм, а что вы хотите от меня? — напрягся Вавилов, который точно не желал вступать в противоборство с профессором Мелехиным, который по щелчку пальцев может

обратить его самого из академии.

— Я прошу лишь об одном — будьте справедливы. Пусть Устинов ответит на те вопросы, на которые должен, и оценивайте его ответы так, как положено, но не позволяйте Петру Артуровичу превращать экзамен в его собственный суд, где он собирается решать, кто имеет право учиться, а кто нет. Вы как участник экзамена и член комиссии должны пресечь его безосновательные попытки помешать молодому дарованию. Я могу на вас положиться? — Яров говорил с жаром, а теперь выжидательно уставился в темные глаза Вавилова.

— То есть вы не просите меня помочь этому Устинову, а лишь хотите, чтобы я проследил за тем, чтобы экзамен велся по всем правилам и не было самоуправства? — уточнил ассистент.

— Совершенно верно. Я не хочу, чтобы юношу засудили из-за личной неприязни, которая возникла на ровном месте и не имеет к нему никакого отношения.

— Ну, в этом я могу помочь, — немного подумав, ответил Вавилов. — Я имею право вмешаться в процесс, если заподозрю предвзятое отношение.

— Спасибо, я знал, что могу на вас положиться, — Яров с облегчением выдохнул и крепко пожал руку молодого ассистента. — Как ваша доченька? Растет?

— Растет моя голубка. Уже первый зуб вылез, — похвастался Вавилов.

Далее они поговорили о нововведениях в обучении, о но-

вых открытиях в сфере медицины, об общих знакомых, о недавней конференции и многом другом. Они были интересны друг другу, поэтому просидели до позднего вечера, попивая чай из уже остывшего самовара.

Корреспондент Кирилл Иванченко прибыл в Москву. Будто в награду за пережитое, остаток пути прошел легко и быстро. Сначала он долетел на дирижабле до Нижнего Новгорода, а потом оттуда полетел сразу в столицу империи. Остановившись в самой дешевой гостинице, которую удалось найти, он поспешил к телеграфной станции и отправил телеграмму главному редактору «Обзора губернии», в которой рассказал, что прибыл на место и теперь планирует найти академию, а уже там будет действовать по ситуации. Задом попросил еще денег.

Ответа в тот же день не дождался, но потратил оставшиеся деньги на трактир, где позволил себе выпить и хорошо закусить. На следующее утро, проснувшись с тяжелой головой после крепких напитков, ополоснулся холодной водой и пошел на поиски медицинской академии. Сначала он хотел обратиться к своим коллегам-газетчикам, но потом решил, что они могут перехватить Устинова, поэтому двинулся к ближайшей библиотеке. Там он тщательнейшим образом изучил карту города и только после этого двинулся дальше.

Денег на извозчика не осталось, поэтому пришлось пре-

одолевать огромные расстояния крупного города пешком. Только после обеда он добрался до академии и опустился на крыльцо, чувствуя, как дрожат ноги от усталости. Было ясно, что экзамен проходил утром, поэтому сейчас там точно не найти знахаря и нет смысла идти наверх.

Время шло, но он никак не мог найти в себе силы, чтобы подняться на ноги. Только когда начал ловить на себе подозрительные взгляды городских, медленно проезжающих рядом на лошадях, встал с нижней ступени и поплелся к телеграфной станции в надежде, что редактор отправил ответ и деньги на дальнейшее проживание в этом городе.

Обратный путь показался ему еще длиннее. Он торопился, чтобы не опоздать, и один раз даже незаметно сел в повозку с сеном, но крестьянин заметил это и прогнал незваного пассажира.

— Есть ответ на фамилию Иванченко?! — закричал Кирилл, ввалившись на станцию за пять минут до закрытия.

— Есть, — кивнул телеграфист и сначала выдал телеграмму, а затем пять рублей.

— Не понял. А почему так мало? — возмутился Иванченко, ведь каждый день проживания в гостинице обходился ему в пятьдесят копеек, а еще нужно было питаться и тратить деньги на дорогу.

— Этот вопрос точно не к нам. Перевод был сделан на пять рублей. Мы закрываемся, покиньте помещение, — сухо проговорил телеграфист.

Корреспондент вышел на улицу и только сейчас развернул телеграмму.

— Денег больше не отправлю. Накладно. Найди подработку. Жду новости о знахаре, — вслух прочитал он, зло смял бумажку и выбросил в заросли крапивы. — Жук навозный. Денег пожалел. Где я подработку найду?

В это время рядом остановился тот самый телеграфист, который вышел почти следом за ним.

— В трактире служки всегда нужны. Платят мало, но как подработка подойдет, — предложил он, услышав слова Кириллы.

— Я, между прочим, корреспондент известной газеты «Обзор губернии», — горделиво задрал он нос и смерил презрительным взглядом телеграфиста. — Опускаться до obsługi я точно не буду.

— Как знаешь. Я только предложил, — пожал тот плечами и двинулся дальше.

У Кириллы же еще сильнее испортилось настроение. Он-то думал, что его задача — добраться до Москвы и искать информацию о знахаре, а тут, оказывается, еще и работать надо.

— Нечестно! — воскликнул он и пнул дворняжку, лежащую, свернувшись калачиком.

Собака взвизгнула и, скуля, рванула в подворотню, а Кирилл зашел в трактир и заказал целый поднос еды, ведь с прошлого вечера еще ничего не ел. Однако, как оказалось,

кусок в горло не лез. Он с трудом доел отбивную и невидящим взглядом уставился в темный квадрат окна. Ему снова пришло в голову послать редактора к черту, уволиться и вернуться домой, но он почти сразу же осознал, что денег на дорогу у него нет, мать вряд ли соберет такую внушительную сумму, да и в Красноярске ему делать будет нечего. Только идти на завод. Именно поэтому он скрепя сердце решил поступить так, как велел редактор — найти работу.

Перед ним возник следующий вопрос: какую работу искать? Ведь ему нужно быть всегда поблизости с академией и узнавать новости об Устинове. Он попытался прикинуть, что находилось рядом с академией, но, кроме лавок, ничего не вспомнил.

Забрав остатки еды с собой, он поплелся в гостиницу, хромая на обе ноги, ведь натер мозоли с непривычки. Запершись в номере, стянул сапоги и поморщился, увидев кровавые раны на пятках. Промыв ноги теплой водой, намазал их жиром, бутылек с которым подсунула ему мать, и лег в кровать.

Он решил составить подробный план своих действий. Завтра утром первым делом пойдет на поиски гостиницы или постоянного двора рядом с академией, чтобы не тратить время и деньги на дорогу. Затем подыщет работу, но такую, чтобы можно было отлучаться, когда понадобится. А уж потом начнет собирать информацию об Устинове: узнает, подал ли тот документы, начались ли экзамены, какие баллы

он набирает и остальное.

Со спокойной душой и набитым желудком Иванченко сладко заснул.

Я отправил письмо старателю, купил сладостей в кондитерской и поехал в деревню. Как оказалось, супруги уже начали переживать за меня, ведь к тому времени, когда я добрался до дома, совсем стемнело.

Мне вручили телеграммы, которые пришли от Ильи из Иркутска и Андрея из Тюмени. Оба желали мне удачи и просили держать в курсе дел. Письма от Базарова не было. Странно, ведь он обычно быстро отвечал. Умывшись и переодевшись, я спустился к столу.

— Завтра вместе поедem смотреть результаты, — сказал лекарь.

Они с Верой сидели напротив меня и наблюдали за тем, как я ем нежные свиные почки, тушенные со сметаной и овощами.

— Хорошо, — ответил я с набитым ртом.

— Кстати, заезжал Гоша Яров и сказал, что поговорил с кем-то из комиссии, поэтому там приструнят Мелехина.

— Кто такой этот Мелехин и почему он вообще против меня? — спросил я, ведь вчера у Ярова вскользь уже слышал эту фамилию, и, как успел понять, он не хочет, чтобы я поступил. Но академик не стал вдаваться в подробности

и даже как-будто поспешил поменять тему разговора, будто случайно оговорился.

— Профессор Мелехин Петр Артурович — преподаватель в медицинской академии. Он очень грамотный человек, который идет в ногу со временем. Его студенты всегда занимают лучшие посты, ведь все знают, какой Мелехин дотошный и требовательный и как отвечает за каждого, кого выпустил с дипломом. Почему он не хочет, чтобы ты поступил — я и сам не знаю, — пожал он плечами. — Мы с ним знакомы, но только как приятели. Возможно, за этим что-то стоит, но мне об этом ничего не известно.

— А мне не нравится ваш Мелехин, — вставила Вера. — Высокомерный и тщеславный. Только и говорит о себе и своих студентах, будто всем это интересно.

— Ты не права, Верочка. Просто профессор очень гордится своими студентами. Он похож на отца, который рассказывает о своих детях. Впрочем, у него нет своих детей, может, именно поэтому он так близок с ними.

— Ну не знаю, все равно он мне не нравится, — женщина забрала пустую тарелку и поставила передо мной большую кружку парного молока с медом. — Пей, полезно перед сном.

Мы еще немного поговорили и разошлись по комнатам. Уже лежа в кровати, я вытащил из рюкзака камень и принялся рассматривать его при лунном свете. Теплая волна энергии пронизывала мое тело, даря успокоение и уверенность. Даже странно, что, в первый раз прикоснувшись к нему, я

упал в обморок. Теперь же мы были как старые добрые друзья, которым просто хорошо от того, что они рядом.

Я убрал камень под подушку и лег спать. Уже перед сном я вновь вспомнил про Базарова. Где сейчас Полина? Не случилось ли чего в дороге? Если завтра не будет ответа, напишу Илье и попрошу его все выяснить.

Наемник Рачков проснулся на рассвете и, умывшись, встал у зеркала с красками и кисточкой в руках. Он намеревался изменить свой образ так, чтобы Устинов его не узнал. Первым делом он нанес на лицо крупные веснушки, затем окрасил брови в рыжий цвет и подкрасил крылья носа так, чтобы они казались шире. Напоследок нацепил на голову парик и, критично оглядев себя, остался доволен. Как всегда, удачно наложенный макияж полностью изменил его внешность.

Одевшись извозчиком, он вышел из дома и поехал к академии. По его задумке, он подкараулит Устинова на улице и зайдет следом. Если удастся воткнуть штырь в бок там, то он сделает это. Если нет, будет преследовать знахаря на улице. В образе извозчика на него никто не обратит внимания, ведь их на каждом шагу пруд пруди.

Добравшись до академии, он опустился на скамью у лавки и, прикрывшись вчерашней газетой, принялся ждать.

Кирилл Иванченко проснулся ни свет ни заря и, позавтракав остатками еды, которую вчера забрал из трактира, вышел на улицу. Город только просыпался, поэтому на улицах было пустынно. Только рабочий люд спешил на заводы, фабрики и в пекарни.

Он встал у дороги, высматривая извозчика, ведь после вчерашнего до сих пор не мог нормально ходить: сапоги нещадно натирали травмированную кожу, мышцы ныли при каждом шаге.

— Эй! — крикнул он сонному кучеру, выехавшему из соседнего двора. — Подвези до медицинской академии! Заплачу!

— Далеко. Дорого будет стоить, — предупредил он, но лошаденку повернул в его сторону.

— Двадцать копеек хватит? — с надеждой спросил Кирилл, ведь теперь, когда редактор отказался отправлять деньги, каждая копейка была на счету.

— Маловато. На другой конец города надо ехать, — с сомнением покачал головой извозчик и с интересом взгляделся в даль, где стоял еще один человек у дороги и по виду ждал, когда экипаж доберется до него.

— Двадцать пять. Больше нет, — Кирилл почувствовал, как начинает злиться. Все в этом городе против него.

— Ладно, давай за двадцать пять, но мой тебе совет, парень, без денег в Москве нечего делать. Иди работай или у

предков больше проси, — извозчик остановился у обочины.
— В советах не нуждаюсь, — буркнул Кирилл и забрался в повозку, которая под ним жалобно заскрипела.

Добравшись до академии, он расплатился, вылез из повозки и огляделся. Время ранее, поэтому двери академии были заперты, вокруг — никого, кроме мужчины с газетой, который был одет как все извозчики: длиннополый кафтан темного цвета, широкий пояс и шляпа с пряжкой. Вдруг это показалось Кириллу подозрительным, ведь поблизости не было свободного экипажа. К тому же он изредка опускал газету и подозрительно осматривался. Что же он здесь делает?

Выяснять он это не стал, а двинулся вдоль домов в поисках постоянного двора или хотя бы объявления о сдаче жилья. Гостиница в этом районе города ему точно будет не по карману.

Утро было каким-то безрадостным. Неизвестность давила на всех.

— Даже если не прошел — не отчаивайся, — сказала Вера, подвигая ко мне блюдо с сырниками. — На следующий год снова попробуешь, а за это время так хорошо подготовишься, что точно все задания решишь лучше всех.

— Не надо о плохом, — покачал головой Анатолий Ренатович. — Я все-таки думаю, что Степа смог решить все верно и теперь нам нужно снова приступить к подготовке. С

литературой я тебе тоже не смогу помочь, но к самому главному экзамену по естественным наукам точно подтяну, — пообещал он.

— Спасибо, — кивнул я, хотя понимал, что могу до естественных наук не дойти. Либо я уже провалил арифметику, либо провалю литературу.

После завтрака Анатолий Ренатович вызвался проводить меня до дома извозчика Сергея, передумав ехать со мной, ведь должен был навестить в больницу. Вера напутствовала хорошими словами и попросила не задерживаться, а то она себе места не находит от волнения. Я пообещал приехать сразу, как все выясню. Женщина приобняла меня и открыла дверь, намереваясь выйти первой, но вдруг остановилась и настороженно спросила:

— Вы кто?

— Штабс-капитан Отдельного корпуса жандармов Корольков. Имею предписание начальника губернского управления, касающееся Устинова Степана Алексеевича. Он дома? — послышался из-за двери грубый мужской голос.

Испуганная Вера повернулась ко мне и еле слышно произнесла:

— Беги через заднюю дверь.

Г

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.